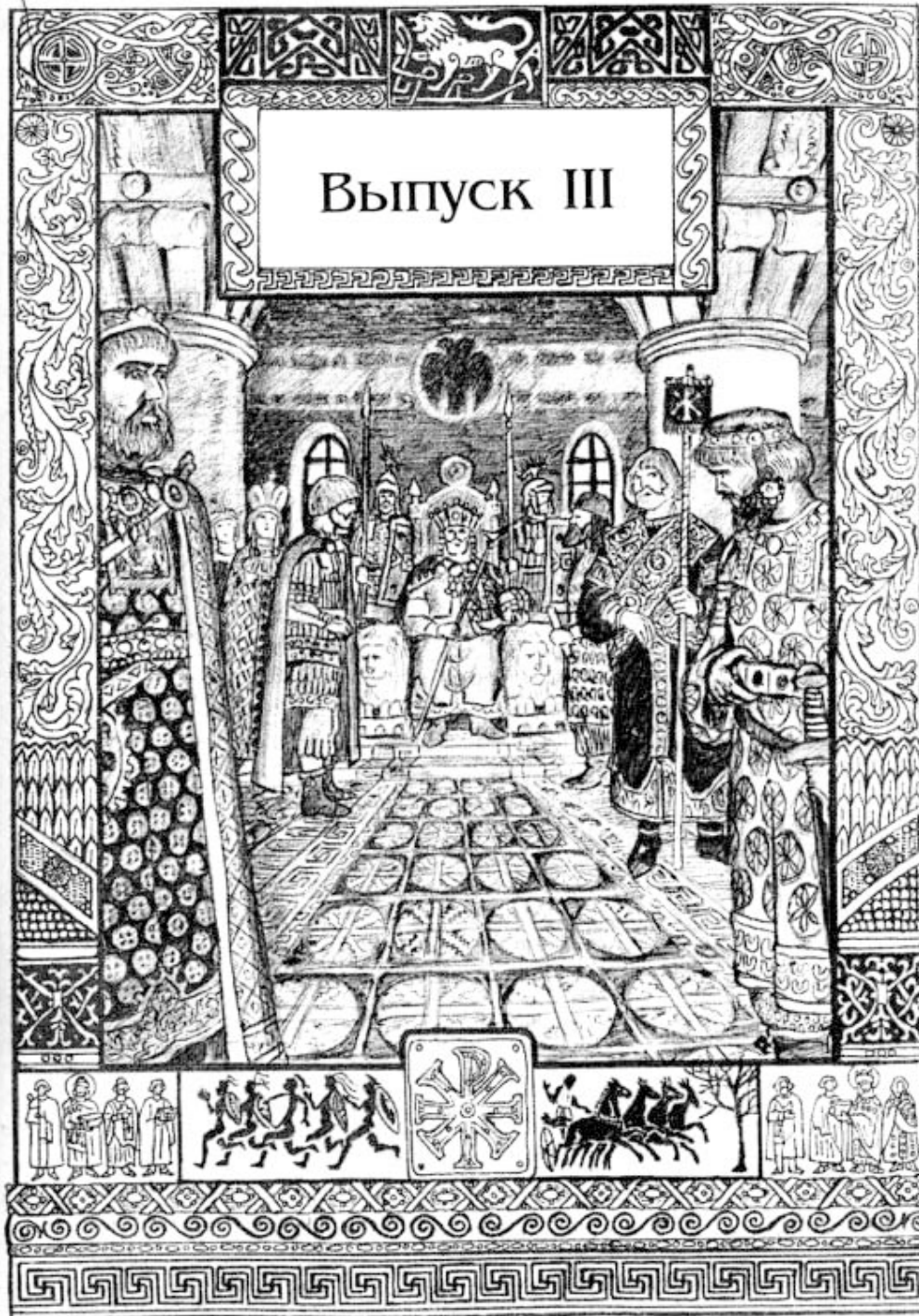
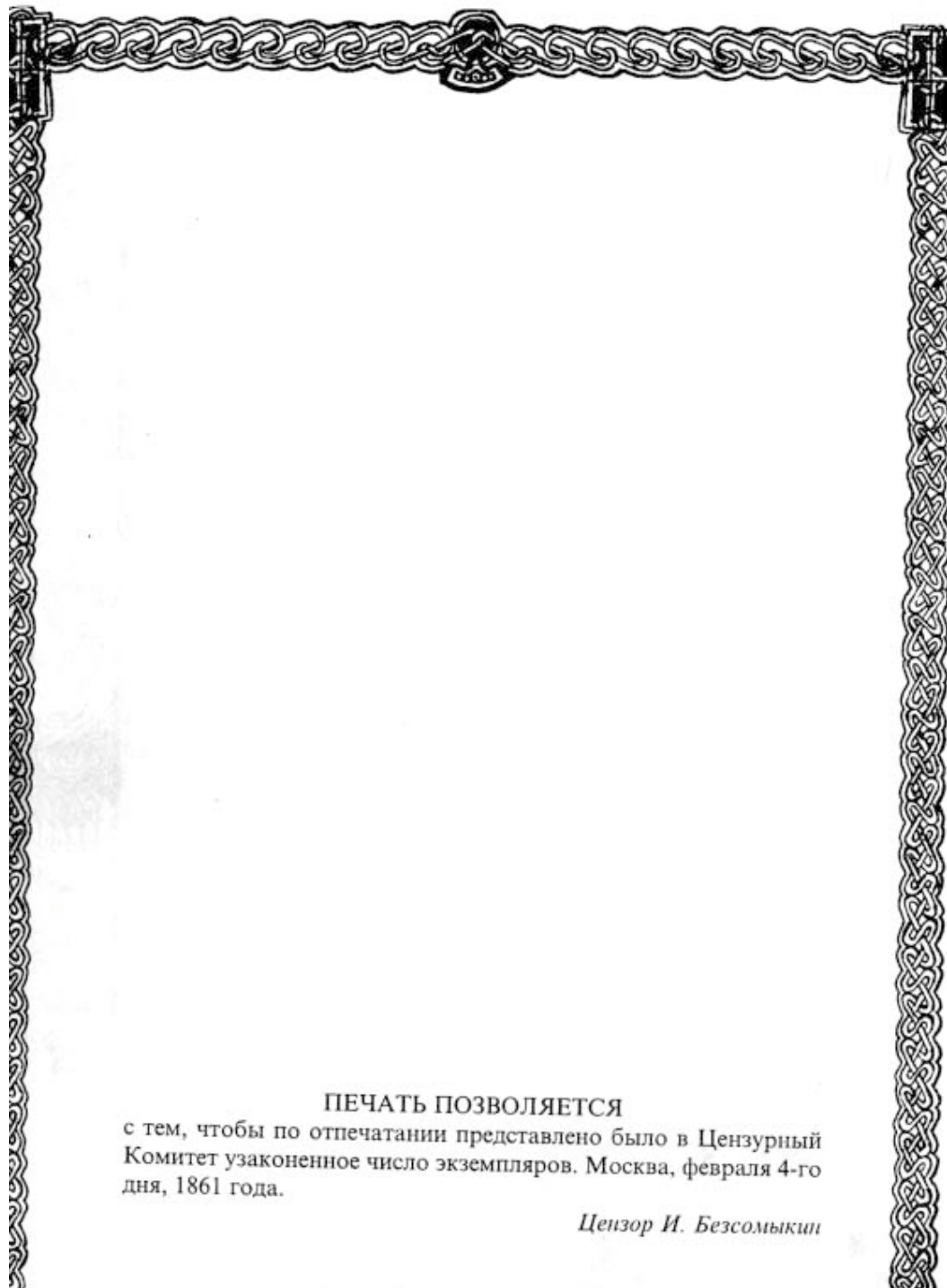

Выпуск III

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный
Комитет узаконенное число экземпляров. Москва, февраля 4-го
дня, 1861 года.

Цензор И. Безсомыкин

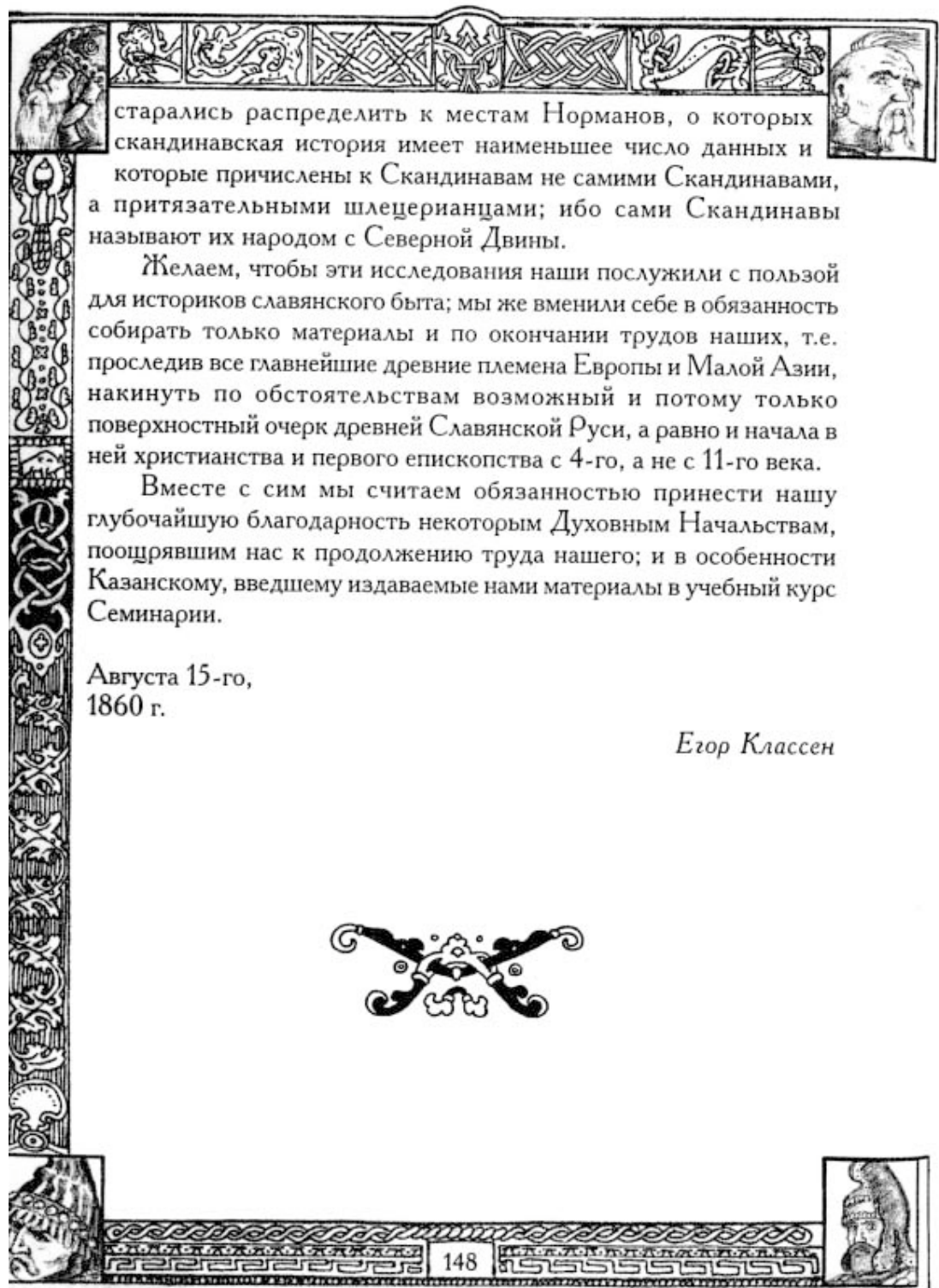
ПРЕДИСЛОВИЕ

Непредвиденными обстоятельствами остановлено было продолжение печатания материалов для древнейшей славянской истории, и тем прерван был предназначавшийся им периодический их выпуск. В оправдание наше пред теми благосклонными читателями, которые неоднократно возбуждали нас к продолжению нашего труда, свидетельствуя тем свое внимание к нему, мы скажем только, что отвращение препятствия превышало тогда и силы и средства наши; ныне же мы спешим восполнить утраченное временем и печатаем за раз два выпуска.

В 3-м выпуске мы поместили извлечение из руководства Зороастра, написанного им для колонии Венедов, переселявшихся в то время из Бактрии на Балтийское поморье, служащего в настоящее время старшим и лучшим указателем на источник славянской истории. Сказания этого древнего мудреца и обстоятельства, им изложенные, мы сличали с другими позднейшими данными, и общий вывод наш представляем здесь ученому миру на рассмотрение. Благодаря профессору восточных языков в Берлине г-ну Петрашевскому, ближе ознакомившего нас с Зороастром, нежели как это сделал Анкетиль дю Перрон, мы уже может пользоваться этим важным и древнейшим сочинением как вполне доступным для нас и должны при том сказать, что с переводом его на европейские языки прибыл значительный угол в Славянской истории, а вместе с тем обозначились и предки Славян по крайней мере за 2000 лет до Рождества Христова.

Кроме этого вывода и примечаний наших к нему, мы помещаем в 3-м выпуске некоторые пополнения и поправки статей первых двух выпусков.

В четвертом выпуске мы изложили критический разбор Скандинавской истории и ее источников с той точки зрения, какую дает нам на то славянская жизнь, резко проявляющаяся под мнимо чуждыми ей наименованиями. В особенности мы

старались распределить к местам Норманов, о которых скандинавская история имеет наименьшее число данных и которые причислены к Скандинавам не самими Скандинавами, а притязательными шлецерянами; ибо сами Скандинавы называют их народом с Северной Двины.

Желаем, чтобы эти исследования наши послужили с пользой для историков славянского быта; мы же вменили себе в обязанность собирать только материалы и по окончании трудов наших, т.е. проследив все главнейшие древние племена Европы и Малой Азии, накинуть по обстоятельствам возможный и потому только поверхностный очерк древней Славянской Руси, а равно и начала в ней христианства и первого епископства с 4-го, а не с 11-го века.

Вместе с сим мы считаем обязанностью принести нашу глубочайшую благодарность некоторым Духовным Начальствам, поощрявшим нас к продолжению труда нашего; и в особенности Казанскому, введшему издаваемые нами материалы в учебный курс Семинарии.

Августа 15-го,
1860 г.

Егор Классен

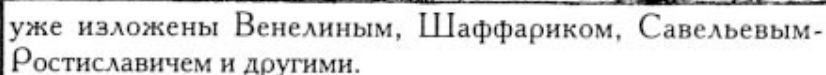

ВВЕДЕНИЕ

Мы ищем истины и топчем ее ногами! — Эта мысль ведет к следующему заключению: история должна быть зеркалом минувших деяний человеческих; но это зеркало должно быть плоским и отнюдь не впуклым и не выпуклым, дабы оно не могло ни уменьшать, ни увеличивать отражающиеся в нем предметы, а передавало бы их с той же отчетливостью, с какой совпадали в него лучи событий. — На основании этого положения история без критики есть сказка; но критика — этот страж нашего мышления — должна иметь основанием здравый смысл или логику, без которой она заслуживает название пустословия. — Упрямые мыслители, желающие заставить говорить факты по своему предубеждению, употребляют или диктаторский тон, провозглашая все то, что им не нравится, подложным или ошибочным; или дилеммами стараются опутать истину. Но дилемма есть увертка софиста, а софист есть фокусник, отводящий глаза зрителей и показывающий черное белым, а белое черным, а потому дилемма в истории есть посягательство на истину!

Эта мысль руководила нас постоянно при собирании и очищении материалов для древнейшей славянской истории. Материалов этих много, но чтобы собрать их и употребить в дело нужен труд — этот труд состоит в критическом обзоре всей древней истории и выделении из нее законной и неотъемлемой ничем части, выпадающей на долю Славян. Путь, избранный мной для этого многотрудного дела, я считаю обязанностью изложить здесь в легком очерке.

Славянское племя в Европе, считая в числе его и чистых и онемеченных Славян, включает в себе больше душ, нежели сколько их всех прочих чужеродных племен, вместе взятых. Мы не станем приводить здесь доказательств на это, ибо они давно

уже изложены Венелиным, Шаффариком, Савельевым-Ростиславичем и другими.

Основываясь до времени на этом показании и не приводя никаких других, более убедительных доказательств, мы должны заключить, что Славянский род и старше всех прочих родов в Европе; ибо условием для размножения племени служит время, и чем многочисленнее племя, тем оно должно быть и старее. Но древность Славян в Европе подтверждается еще фактически и давним пребыванием их под именем венедов на Балтийском поморье, на которое они выселились еще при Зороастре, как говорит о том Зенд-Авеста; что по вычислению, сделанному Германцами, случилось за 2000 лет до нашей эры. О Руссах мы имеем хотя позднее сведение, однако уже при Птолемае, т.е. во 2-м столетии, была Великая Россия, ибо он пишет о Велико-Руссах (Vuillerozzi), и знал также Хазар-Русских, называя их Chasirozzi. Племя Руссов Саввейских мы встречаем при Соломоне, царе Иудейском; Руссов же мы находим при защите Трои. Это обстоятельство ставит их современным первоначальным греческим владениям, образовавшимся из финикийских, лидийских и пеласгийских колоний в Европе. Кинув на эти обстоятельства философский взгляд, мы можем заключить, что как Римляне живут ныне второю политическою и нравственною жизнью под именем Итальянцев, как Греки, в том же отношении рассматривая, даже третью жизнь; почему же Славянам не приписать той же судьбы народов? Такого же падения и восстания? — А если это, по естественному ходу житейского быта допускаемо, то можем предполагать, что и Славяне стояли некогда на высокой степени образования и, может быть, на высшей в сравнении с другими современными им тогда народами. Но, конечно, такое предположение составляет покамест теорему, требующую своих непреложных доказательств. Теперь мы можем указать только на немногие обстоятельства, могущие вести к такому заключению, как, например, на свидетельство Геродота о высоком достоинстве Славян, названных у него Скифами; потом на Анахарсиса - родом Скифа, причисленного Греками к числу семи мудрецов; потом на греческий огонь, известный, по сказанию Адама

Бременского, Прибалтийским Славянам; на литейное и резное искусства, найденные в славянской Ретре; на горные работы у

славян в Карпатах; на существующий доныне древний Славянский туннель между Пестом и Буддином; на выделку дубленых и сыромятных кож в древние времена только в России (у Скифов и Сарматов); на изобретение первой стали и огнива в Паннонии; на Славянские турниры в Италии, в Прибалтийской России и в Киеве, при Владимире Святом; на древнейшую письменность Славян, сохранившуюся доселе в некоторых памятниках и в особенности в самой Зенд-Авесте и в некоторых рунах; на древнейшую и обширную торговлю Славян со всеми народами, в том числе и с Финикиянами, — на этот источник благосостояния и просвещения, но вместе с тем и развращения народного, как порождающий роскошь, негу и разврат.

На вопрос, которого нам ожидать можно: от чего же не пишут о Славянах ни Греки, ни Римляне? Мы отвечаем: они пишут и даже весьма много; почти на каждой странице их истории стоит какое-либо Славянское племя, как враждующее с ними или как покоренное и потому поневоле союзное им; но мы не узнаем праотцов своих потому, что прозвища их изуродованы. К этому уродованию давали повод частью сами Славяне, но преимущественно произошло оно от деесписателей. Рассмотрим подробнее обстоятельства того и другого поводов.

Славяне имели обычай, который и доселе большей частью сохраняется, называть своих соседей по местоположению их жительства; так образовались прозвища загорцев, подгорцев, нагорцев, поречан, заречан, брежан, поморян, залесян, древлян, озерян, лукоморцев, украинцев и пр. Греки передали эти названия словами: Zagori, Pogori, Pagarici, Pagyritae, Gorali, Rizenu, Prusani, Pomerani, Silesi, Drewani, Eseritae, Lugomira, Ukrani, Krani, Karni и пр. — Нет сомнения, что в этих прозвищах, составляющих на Славянском языке имена нарицательные, а Греками выданных в значении собственных, не было никакой возможности признать Славян, не сделав предварительно розысканий о том.

Кроме того, существует у Славян другой обычай: называть своих собратий по их промыслам или по носимой ими одежде и

обуви, как, например, сыромятниками, мурманниками (1), кимряками (2), щетинниками, лунтайниками (3), курпинниками

(4), кисынниками (5), какатцами (6), зипунниками, малахайниками (7), махланниками (8), курпянами (9), нярынянами (10), струсьями (11), харапайниками (12), чепанцами (13), шабурою (14). Греки передали и эти названия под видом отдельных народов, как то: *Sauromatae*, *Murmani* и *Normani* (но не *Nordmanni*, ибо это название имеет совершенно другое отношение), *Kimri*, *Cymbri*, *Cetinae*, *Lantan*, *Carpiani*, *Kissini*, *Zaccati*, *Zipani*, *Malachitā*, *Melanchlāni*, *Cargi*, *Neuri*, *Strusi*, *Carpagi*, *Sepini*, *Sabiri*. — Вот почему все эти названия представлялись позднейшим розыскателям славянщины, во-первых, за отдельные народы, а во-вторых, за народы, чуждые Славянам. А от этого нарушилась и связь в действиях Славян в Европе.

Так точно, в виде особых племен, явились у Греков Славянские конюхи под именем *Coniochos*; рабы или ляники (15) под именем *Sauromatae limigantes* (*Sarmatae, servi*); вольные люди под именами

(1) Мурмою называется у нас на севере белка, а беличья шапка — мурманкою; ловчие белок — мурмане (у Нестора Оурмане); место лова — Мурманский берег.

(2) Кимряк значит торгующий сапогами; по-малороссийски швец. — Кимвры переселились с Киммерийского полуострова в Данию, а оттуда в Швецию.

(3) Готовящие сапоги из оленьей шкуры с шерстью, а равно и носящие эту обувь, называемую *лунтаи*.

(4) Курпины — лапти из охлопьев.

(5) Кисы — сапоги из оленьей кожи.

(6) Какаты — башмаки из бересты.

(7) Малахай — летние широкие кафтаны.

(8) Махланка — зимняя шапка с ушами.

(9) Курны — башмаки с пряжками.

(10) Няры — валеные сапоги.

(11) Струси — башмаки с ушками.

(12) Харанай — серый кафтан.

(13) Чепан — казакин.

(14) Шабура — балахон из толстого холста.

(15) Лямка — иго, рабство.

Gelones, Valoini, Vulni; поганые, т.е. отступники от общих рядов, под именем Paganii; отступники от общего культа, или хази, хазари (1), под именем Chazirozzi (2), а потом Kezeri. Это последнее название вошло и у Немцев в употребление как заимствованное у соседних Славян и существует донныне под словом Ketzer, означающим еретика. Так образовалось на бумаге особое племя Budini (будинцы), тогда как это название произошло от малороссийского слова будина (по-великорусски хоромина) и означает только живущего в хорошем доме.

Скифы признаны уже новейшими учеными всех народов за Славян (3). Греки показывают деление Скифов на три касты: военных или меченосцев, земледельцев и пастухов; но эти три касты являются в истории под именами трех различных народов, а именно: Гетов, Ругов и Алан. Рассмотрим несколько поближе этот предмет: Геты были воины; Греки и описывают их как более всех других племен воинственными и называют в дополнение Gethae metanastae. Под словом: *Gethae* мы признаем казаков, сохранивших это название в словах *гетман* и *геть* или *гей-ты*, последние два слова составляют сторожевой оклик и значат *смотри ты!* (4). А так как Греки не имеют в своем алфавите букв, соответствующих славянским ч и ц, то под *metanastae* мы читаем *меченосцы*; что равно относится как к касте воинов, носящих по необходимости меч, так и к описанной Греками большей воинственности Гетов. Далее: Гетов мы встречаем у Греков в разных местах под именами Массагетов, признанных самими Греками за Скифов заволжских; Тирагетов на Тирасе или Днестре; Пиенгитов, или гетов - Пенян на реке Пене; Гетов в Дакии; Танагитов или Танаитов, Гетов на Танаисе, или Дону; Рсигетов (*Arsietae*) на реке Рси, или Роси, и гетов-Руссов (*Гетои Рубси*) в Италии. — Вот когда мы находим Гетов Донских, или, что все равно, Донских казаков. Но пойдем еще далее; у Греков мы находим, что Этруски прежде были

(1) Хазить, хазарить: делать не так; еретничать.

(2) Хазары-Руссы.

(3) См. Bergmann. Halle. 1858. Les scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves.

(4) См. Вып. III. статья: "Перси".

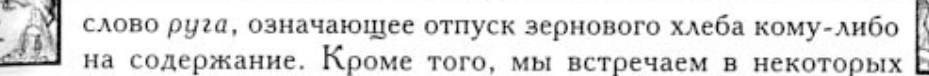

называемы ими, как мы выше показали, Γετοὶ Ρῦσσι; здесь мы признаем уже несомненно Русских Гетов, или козаков, о которых говорят Стефан Византийский и Ливий, как о чистых Славянах, сохранивших, при переселении своем из Италии в Рецию, свой родовой славянский язык. Другие же Геты, жившие на севере Европы, названы историками Gethini, Gothini, Gothunni; в этих мы видим Гетов-Уннов, коих жительство должно было быть в той стране, где есть и доныне признаки их там пребывания, это две реки Унны, озеро Унно, Уннской залив, Уннская губа; местность эта в нынешней Архангельской губернии. О жительстве Уннов в этой стране нам свидетельствуют и скандинавские предания, рассказывающие о войнах Скандинавов на севере с Уннами и Руссами, постоянными союзниками между собой.

Но, кроме того, мы встречаем Гетов также и в Малой Азии, расположенных пятью княжествами вокруг Славянских племен, где они названы Гефами или Гефью. Что эти Гефи означают тех же гетов, о которых мы говорили выше, свидетельствует латинское правописание в слове Gethae вместо Getae.

В писцовых книгах Новгородских погостов мы находим конных гофейских казаков, неизвестно откуда переселившихся в Бежецкую пятину, на опустелые земли. Казаки конные означают непременно войсковых людей, но под гофейскими мы подразумеваем Гетов или Гетов - Уннов (Gothunni), живших, по вероятною соображений, в Архангельской губернии, и оставивших там до сих пор следы своего пребывания в названии бездомных батраков казаками; какового названия не существует в тех губерниях, в которых не живали в старину казаки. Это обстоятельство свидетельствует, кажется, что казаки - Унны, или северные Готфы, а по Нестору, Гофь или Гьте состояли в родстве с Руссами.

Что название *руги* или *ружане* не есть собственное имя, явствует из того, что эти руги, например, на острове Рюгене назывались вместе с тем и Руссами: Ruzzi, Russe, Rutheni, Ruthae. Должно полагать, что это были Руссы ружные, т.е. земледельческие. В русском языке сохранилось до сих пор

слово *руга*, означающее отпуск зернового хлеба кому-либо на содержание. Кроме того, мы встречаем в некоторых летописях ружан у придунайских Сербов под названием *Rugi*, *Rugiani* и *Rugioni*. — Последние должны быть, по нашим соображениям, руги-Унны, т.е. ружные Унны.

Что пастухи назывались древле *аланами*, то явствует из употребляемого до сих пор в Тверской, Новгородской, Смоленской и некоторых других губерниях слова *алань*, означающего у туместных жителей *пастбище*. И действительно, мы встречаем это слово как нарицательное и слитое с собственным, означающим племя в Алано-Уннах (*Alanounni*, *Alauni*) и Алано-Руссах (*Alanorsi*, *Alano-Rsi*), а также в Руссах-аланах (*Roxolani*, *Roxi-Alani*).

Вот сколько мнимо разнородных племен оказываются по критическом рассмотрении из названий, Славянами, принадлежащими только к двум сильнейшим племенам их: Руссам и Уннам. Но, может быть, по дальнейшим исследованиям и окажется, что Руссы и Унны составляют одно и то же племя и что название *Унны* есть также нарицательное, как и название *Славяне*.

Кроме того, надлежит заметить, что Греки и Римляне имели обыкновение переводить на свой язык славянские знаменательные прозвища, и потому вместо Загорцев являются у них *Tranomontani*; вместо Кривичей, которых они принимали за однооких, *Arimaspi*; вместо кожевенников — *Scythae*, производя это слово от $\Sigma\kappa\upsilon\tau\omicron\varsigma$ (1); так вместо Украинцев явились у них *Cypedi*.

Приведем теперь одни названия Руссов, встречаемые нами у Греческих и Римских писателей, они называют их: *Rossi*, *Rozzi*, *Ruzzi*, *Aorsi*, *Attorozi*, *Chazirozzi*, *Sebbirozi*, *Vuillerozzi*, *Ruthi*, *Rutheni*, *Alanorsi*, *Roxolani*, *Aorsi*, *Arsietae*, *Gethae Russi*, *Arimaspi*, *Thervingi*, *Iviones*, *Kujavi*, *Gelones*, *Valioini*, *Vulini*, *Vulni*, *Agathyrsi*, *Ostrogothi* (Острогочцы), как их и доселе называют германские географы), *Wisigothi* (2) (Весъгонцы), *Thyragethae*, *Thanaiti*, *Volski*, *Wolsi*, *Etruski*, *Gardariki*, *Nemogarda*, *Suselzi*,

(1) У адриатических Греков $\Sigma\kappa\upsilon\tau\omicron\varsigma$ означает дубленую кожу, а у понтийских сыромят, т.е. сыромятную кожу.

2 См. Вып. IV. Матер. для Слав.-Рус. истории.

Galli (Галичане или Галичи), Nischani (Низовцы), Okobi (Оковцы), Mursiani (Моршанцы), Buzani (Бужане), Diviones (Двинцы), Linpones (Глиняне, на реке Глинной), Gypedi, Krani, Ukrani, Kami (украинцы) и пр.; а также Lantani, Carpiani, Kissini, Zipani, Malachitā, Melanchläni, Carpi, Neuri, Sturni, Strusi, Carpagi, Serini, Sabira, Scythae, Saugomathae и пр. — Столько же различных названий встречаем мы, относящихся и к другим Славянским племенам.

Этим множеством имен приводится каждый следовательно в такое стеснительное положение, что невольно оставляет труд свой как безуспешный в этом неисходном лабиринте. Но по приведении всех этих названий к одному знаменателю, т.е. к одному роду Руссов, внезапно проливается ясный свет на всю древнюю историю, и уже ненужно предполагать, что Скифы извели Сарматов, что Сарматы перерезали Скифов; не нужно мгновенно передвигать народы, и сами собой уничтожаются все мнимые переселения их; одним словом вся путаница разрешается объяснением, что для одного и того же племени употреблялись разные названия, которые при всем том еще так изуродованы, что не только трудно признать в них славянские корни, но что они утратили даже всякое созвучие и сходство со славянскими именами.

Но когда мы признаем всех этих мнимых иностранцев, зашедших, по мнению позднейших толкователей, из Азии, но не оставивших нигде следа о своем переходе, за Руссов, то все написанное о них делается уже собственностью Русской истории. — А это будет немалый запас!

Итак, чтобы найти несомненные следы Славянства во всеобщей истории, надлежит выкинуть из нее все изуродованные прозвища народов, употребив, вместо них одно, всем им общее племенное название. — Сделав это, уже не представится в летописях толкотни народной, не нужно будет выводить племена откуда-либо, и опять туда спроваживать, как сделано с Гуннами; не нужно предавать их, посреди Европы, вечному усению без всякой видимой побудительной причины к тому, как преданы Визиготы и Остроготы, которых мы отнюдь не смешиваем с Вест-Готами и Ост-Готами, идущими своим чередом в истории. Тогда мы

получим те же самые народы и их племена, какие и ныне налицо в Европе, исключая только Османнов как позднейших пришельцев. А сообразив местности каких-либо Меланхленов или Карпианов, указанные в истории, с местностями махланников или курпинников в России, определим, может быть, и настоящие жилища этих племен; а на подобном пути разместим и все племена этнографически и географически.

Сделав все это по указанному пути, надлежит совершить другое очищение летописей: это от желчи и клеветы Греков и Римлян. Ибо все те действия Славян, которые в настоящее время по праву народному были бы признаны не только справедливыми, но даже необходимыми, очернены до того нашими учителями, что представляют Славян извергами; тогда как побудительные причины к тому заключались отнюдь не в их виновности, а единственно в эгоизме Греков и Римлян, желавших быть повелителями вселенной и стремившихся достигнуть этой цели путями обмана, коварства и насилия, и употреблявших там низкую клевету, где им встречалось сопротивление, или плата насилием за насилие. — Заметьте при этом, что больше клеветы падало обыкновенно на сильнейшие племена — на Уннов и Руссов, перед которыми трепетали сами клеветники, платившие им постыдную дань. — На этом пути можно верно вывести и силу славянских племен, имевших столкновение с Византией и Римом.

Чтобы представить полное убеждение в клевете Греков на Славян, рассмотрим это обстоятельство поближе: Греки называют Славян варварами за их лютость при нападениях на греческие селения; и мы привыкли верить им на слово, не следя в этом обвинении всех обстоятельств дела. Но рассмотрите беспристрастно, которая из двух сторон ближе к варварству: обвиненные или обвинители? — Греки и Римляне, стараясь беспрестанно расширять свои владения, нападали на мирно живших Славян и поработщали их; но если Славяне сопротивлялись им, защищая свою свободу, то всех взятых в плен с оружием в руках Греки казнили, а из остальных покоренных выбирали силачей для образования гладиаторов или бойцов, обреченных драться между собой на жизнь и смерть. Эти побоища служили для увеселения мнимых добронравственных просветителей, которые

радовались и ликовали, смотря на умирающего бойца, избитого своим противником. Вглядитесь в этом действии в политику и

характер Греков и Римлян. По политике их им нужно было истреблять отважных и сильных противников; они достигали этого казнию пленных; но чтобы истреблять в покоренном племени и сильных людей, не бравших хотя оружия в руки, но при тогдашних способах войны могших быть для них опасными при первом восстании народа, они последних истребляли под видом единоборства. Это Римско-Греческая просвещенная политика, служившая для уменьшения силы врагов. Взгляните теперь на их характер: Греко-Римляне собирались в амфитеатры смотреть на травлю людей: они ликовали, когда один боец выбивал другому глаз или раздроблял ему череп; их утешали и восхищали предсмертные стоны и судороги умирающего насильственной смертью! — Это характер просвещенных Римлян! Ученых тиранов!

Славяне имели, конечно, сведение о судьбе своих братьев и потому для освобождения себя от гнета римского часто делали восстания и, вторгаясь во владения своих врагов и тиранов, истребляли всех мучителей своих, попадавшихся к ним в руки, не щадя даже малолетних детей их. Но спрашиваем: где более варварства? У Греков ли и Римлян, обрекавших на казнь Славян, защищавших свое отечество, свою свободу, свой культ? У Греков ли и Римлян, с кровожадным восторгом взиравших на мучительную смерть своих противников? У Греков ли и Римлян, назначавших такие истязания для народного увеселения и развлечения? — Или у Славян, совершавших хотя не менее жестокие казни, но делавших это в ожесточении против притеснителей своих? — Мы видим, что у первых истекало варварство из народного характера и сообразной ему обдуманной политики; у последних же оно было только местью за насилие! Первые совершали зло хладнокровно и с обдуманностью, последние же только в минуты остервенения, вызванного к тому продолжительным страданием. Кто же тут истинный варвар: Византиец или Славянин?

Ясно, что Греки и Римляне желали, чтоб Славяне покорялись им безусловно, жертвовали им не только своим достоянием, но и свободой действий, даже самой жизнью, и потому вооружали их

против единоплеменников-единомышленников своих и сопротивлявшихся этому называли варварами. Это дает повод не верить на слово ни греческим, ни римским историкам, со времени духа преобладания этих двух народов; а потому все сказания, составленные ими о Славянах должно соображать с обстоятельствами притеснителей и притесненных и, согласно разумной критике, очищать их от клеветы, желчи и насмешки.

Исполнив совестливо это дело, мы получим верный взгляд на нравственную сторону Славян, особенно принимая при этом в соображение, что Геродот называет их достойнейшими людьми, что Прокопий приписывает им откровенность и добродушие; что Маврикий и Гельмольд называют их благонамеренными и заботливыми даже о иноплеменных странниках; и соображая наконец, что у Славян был закон, по которому каждый пленник, в чьих бы руках он ни находился, пользовался независимостью, ступив на славянскую землю. Но считая недостаточным одно это сказание, мы можем сделать поверку славянского характера сличением с характерами некоторых царственных лиц у Славян, могших со всею свободой выставлять свою волю на вид людям и тем обнаруживать все малейшие изгибы и оттенки сердца своего.

Собрав такими доводами все возможные сведения, достижимые прямым путем, мы в каждом таком действии получаем акт для истории Славян до-Рюриковских. — Если подобные акты не будут еще прямо вязаться между собой, то попытаемся соединить их логическими, законно дозволенными сближениями, употребляя для того этнографию, древнюю географию, филологию и разные договоры, грамоты и памятники; в случаях же необходимости, воспользуемся историческими песнями и преданиями, стараясь отделить в них истину от вымысла и поэтического преувеличения. — Не последним бы средством было и испытание приложить алфавит бактрийский, или Зенд-Авесты, к чтению Славянских рун; ибо Венеды принесли на Балтийское поморье грамотность свою за 2000 лет до Р. Х. И потому он может быть ближе к письменам руническим, нежели наши кирилловская и глаголитская азбуки.

Источников для свода славянской жизни должно искать в истории всех народов Европы и Азии; ибо Славяне, занимая своими племенами такое громадное пространство, были

соседями многих народов, а потому и могли войти в историю каждого сопредельного им народа на путях войны или мирной торговли, союзов и договоров.

Все это вместе даст возможность составить, если не полную историю Славян, то ясный очерк их истории, или эскиз жизни и деятельности народной, с указанием нравственных двигателей их; эскиз, очищенный уже от всякого произвольного вплетения в него басен, мифов и преувеличений, но и огражденный от лжи и клеветы Греков и Римлян.

Для сей цели я предпринял выработку предварительно материалов для Славянской истории, коих два выпуска уже отпечатаны и два готовы для тиснения. Когда я успею проследить все племена этого величайшего народа в мире и вместе с тем и историю прочих Европейских народов, то попытаюсь приступить к очерку истории Славян от Зороастра, их несомненного предка, или, по крайней мере, от Геродота до призвания Рюрика, с братьями, в Новгород на княжение. Тогда удастся, может быть, доказать, что нетщето называет Птолемай одно из северных племен Европы Великоруссами (Vuillerozzi) и что Великая Россия существовала уже по крайней мере за несколько веков до призвания варягов. А что по поводу названия ее *Великой* должна была существовать современной ей и другая, отдельная от нее Россия-малая, в том едва ли кто, с здравым смыслом в голове, усомнится, усматривая племена Руссов во всех концах земли.

Да не подумает кто-либо из читателей этих строк, что мы дозволим себе в труде нашем какое-либо безотчетное действие. Нет! Мы ищем одной истины и путь наш к ней — беспристрастие, а руководитель — логика. Не увлечемся мы образцом мышления некоторых германцев над доказательствами германизма Готфов, где они по славяно-гетскому алфавиту читают на немецкий лад Гетские слова, дав буквам его произвольное значение, отчего у них гетский или, как они называют, готский, язык делается и для них самих непонятным, и тщето подыскивают они в своем языке корни для него, составляя сравнительные словари, в которых ни одно слово не вяжется с немецкими корнями. Шаткость основной

мысли, схваченной не по доводам, а на пути воображения, произвела у них на свет гипотезу, не выдерживающую улики доказательств в противном. Алфавит гетский, или гофский, приложен нами к IV выпуску материалов и доказывает как числом букв своих, так и их формой свое Славянство. Не употребим также и увертливых дилемм для насильственного доказательства того, что противно здравому смыслу и по строгому логическому разбору обращается в бессмыслицу, подобную теории Байера и Шлецера о скандинавских Руссах-Варягах, которую бессознательно защищают и некоторые из наших соотечественников, принадлежащих к слепой школе исторического предубеждения!

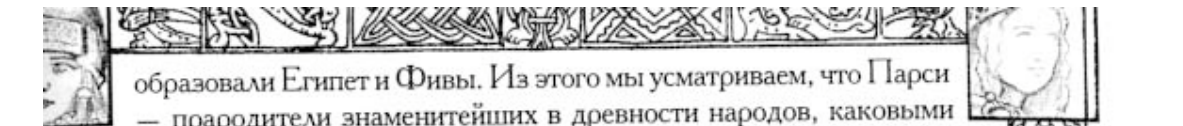

ДРЕВНИЕ ПАРСИ

(Извлечение из *Зенд-Авесты* Зороастра с
дополнительными замечаниями)

Нрежде, нежели представим мы читателям своим краткое извлечение из сочинения парсского законодателя, правоучителя и врача Зороастра, окинем беглым взором то, что нам говорит об этом народе древняя история, что нам представляет критическое обозрение этнографических признаков и что оказалось при сравнении мертвого языка Азии, известного под именем *Санскрита*, с мертвым же языком *Парсским* или так называемым *Зендским*.

В высокой части Азии, в особенности по южному склону горного хребта, Индукуша, жил сильный и воинственный народ под древним именем Парсов. Культура его была достаточно высокая; он занимался хлебопашеством, скотоводством и торговлей; предметы последней преимущественно состояли из пряных кореньев. — Этот народ каждый раз, по умножении люда своего, производил выселки. История сохранила нам, по одному сказанию, три такие выселки: в Бактрию, Мидию и Персию; в последнюю под предводительством Кира. По другому сказанию первое переселение с Индукуша было в плодородную долину Евфрата, второе образовало Лидию, Финикию и Карфаген, третье — Эфиопию, а за ней Нубию и Абиссинию. Их колонии

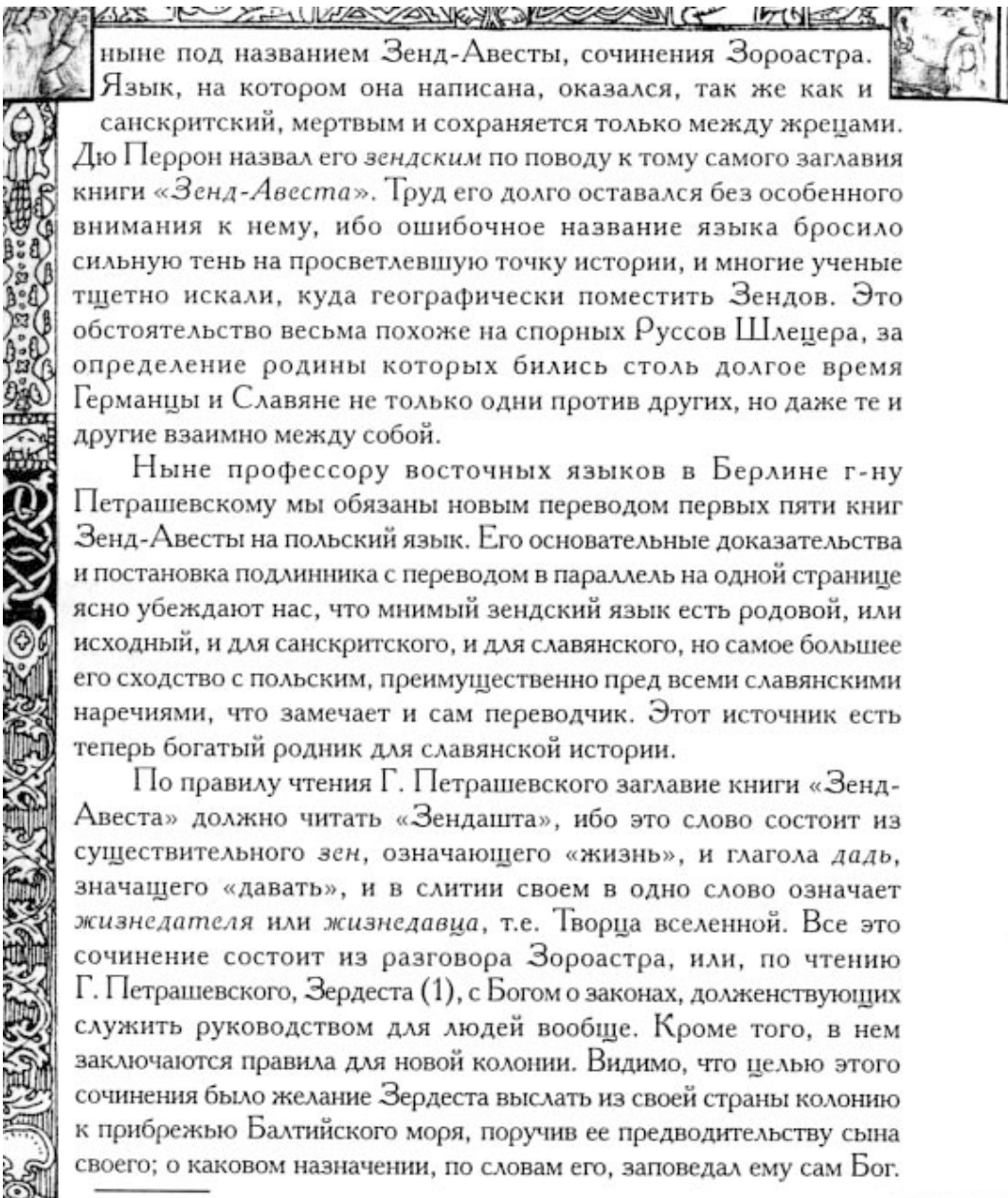

образовали Египет и Фивы. Из этого мы усматриваем, что Парси — прародители знаменитейших в древности народов, каковыми были Финикияне, Карфагенцы, Эфиопяне, Египтяне и Фиванцы, имевшие все свою грамотность, науки, искусства и торговлю. Кроме того, известно, что народ на Индукуше, в Бактре и Эфиопии делился на четыре касты, а жрецы у Бактров назывались магами или волхвами. Известно также, то и Скифы делились на четыре касты: на Скифов царских, в числе которых были и жрецы, Скифов-меченосцев (у Греков), Скифов-ружан (Rugii) и Скифов-алан (Alani).

Оставляя совершенно в стороне созвучность слов Индии, Индостана и Индукуша, должно полагать, что подобный выселок сделан был и в страну нынешней Индии, ибо там по сие время сохранился небольшой народец, состоящий из 150 000 душ, называющийся Парсами и соблюдающий много родовых обычаев и обрядов, а главное — удержавший верованье древних Парсов, или саввеизм, т.е. поклонение планетам, или кабирам, за которое соседние магометане презирают его и ненавидят (1). Что этот выселок был гораздо значительнее той численности, в которой мы его теперь обретаем, свидетельствуют нам санскритские сочинения, сохранившиеся у того же племени, но далее от Парсов отселившегося и принявшего впоследствии другое верование.

Как видно из сказанного, история весьма мало сохранила для нас данных об этом древнем родовом народе и возможно было разьяснять себе эту глубь старины только этнографически и филологически; но обретение санскритских письмен и изучение этого древнего языка не только открыло всю внутреннюю жизнь индийского народа, столь богатую развитием человечества, но и заставило по сходству этого языка преимущественно с славянским полагать, что Славяне откочевали из Индии в Европу. Второй источник, которым, впрочем, почти вовсе не пользовались, состоял в следующем: еще до короткого ознакомления нашего с литературой санскритской французский ориенталист Анкетиль дю Перрон добыл в Гузурате список с книги, известной

(1) Эти идеи распространены магами по всему востоку и дошли даже до Греции; на них основывался Пифагор и все новоплатоники.

ныне под названием Зенд-Авесты, сочинения Зороастра.

Язык, на котором она написана, оказался, так же как и санскритский, мертвым и сохраняется только между жрецами.

Дю Перрон назвал его *зендским* по поводу к тому самого заглавия книги «*Зенд-Авеста*». Труд его долго оставался без особенного внимания к нему, ибо ошибочное название языка бросило сильную тень на просветлевшую точку истории, и многие ученые тщетно искали, куда географически поместить Зендов. Это обстоятельство весьма похоже на спорных Руссов Шлецера, за определение родины которых билась столь долгое время Германцы и Славяне не только одни против других, но даже те и другие взаимно между собой.

Ныне профессору восточных языков в Берлине г-ну Петрашевскому мы обязаны новым переводом первых пяти книг Зенд-Авесты на польский язык. Его основательные доказательства и постановка подлинника с переводом в параллель на одной странице ясно убеждают нас, что мнимый зендский язык есть родовой, или исходный, и для санскритского, и для славянского, но самое большее его сходство с польским, преимущественно пред всеми славянскими наречиями, что замечает и сам переводчик. Этот источник есть теперь богатый родник для славянской истории.

По правилу чтения Г. Петрашевского заглавие книги «Зенд-Авеста» должно читать «Зендашта», ибо это слово состоит из существительного *зен*, означающего «жизнь», и глагола *дадь*, значащего «давать», и в слитии своем в одно слово означает *жизнедателя* или *жизнедавца*, т.е. Творца вселенной. Все это сочинение состоит из разговора Зороастра, или, по чтению Г. Петрашевского, Зердеста (1), с Богом о законах, долженствующих служить руководством для людей вообще. Кроме того, в нем заключаются правила для новой колонии. Видимо, что целью этого сочинения было желание Зердеста выслать из своей страны колонию к побережью Балтийского моря, поручив ее предводительству сына своего; о каковом назначении, по словам его, заповедал ему сам Бог.

(1) А по чтению других «Зердуште».

королевстве; вторая Нисса, или Низа, находившаяся в Карию как младшая сюда относиться не может. — Нисса итальянская есть

первое историческое свидетельство того, что славянское племя жило некогда и в Италии, а именно в Этрурии. Это самое подтверждается обилием славянских памятников, разбросанных по всей Италии, преимущественно же по Капуве, разъясненных в недавнее время г. Воланским, частью уже помещенных нами в первых двух выпусках предлежащего издания. Из этого же нам объясняется, откуда зашел славянский язык в Италию, сохранившийся там по сие время во всей чистоте своей и без смешения с итальянским в целом округе близ Венеции, считающем до 12 000 душ. Это же самое наводит на мысль, что Венеды итальянские соплеменны Венедам прибалтийским.

«Шестой выселок основал город Герат или Эрат.»

Где находится этот город — неизвестно; только догадки наводят на мысль: не древний ли это Арад, что в Малой Азии?

«Седьмой выселок основал город Веекерд, т.е. где работают вертящимися орудиями.»

Где был этот город, определить трудно. В средней истории остались только как бы производные от этого слова Уругунни, Уругунди, Уругундини, Уругундиони, названные в некоторых летописях также и Бургундионами, Бургундами, Бургунгами и Бургунд-Уннами (у Плиния *Burgundiones*, у других *Burgiones*, *Burgunduni*, а у Птолемея *Burgunti*); а также у восточных писателей Уруги, Уруги, Уругунны (1).

В великороссийских наречиях сохранилось еще в разных местах слово *урван*, а где это слово существует, там и улана и озорника называют урваном; произошло ли это название и подразумеваемый под ним смысл от поведения бывших татарских улан, или оно коренное русское, то неизвестно; но подобный тому пример есть у нас перед глазами, где коренное славянское слово *озор* приняло у нас иностранный тип под именем гусара. Но это нужно объяснить несколько подробнее. Озоры принадлежали у Славян к легкому войску; их обязанностью было отправляться по назначению начальства малыми отрядами или

(1) Уруги, Руги или Ружане означают земледельцев.

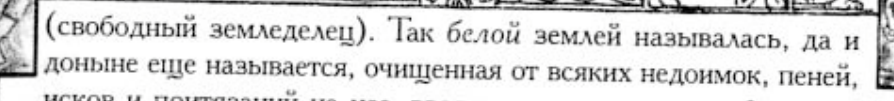

одиночно в неприятельский стан для осмотра его расположения, силы, засад, засек и т.п. Озоры составляли легкую конницу, дабы в случае встречи на пути своем неприятеля скорее могли удалиться.

Хотя некоторые историки и утверждают, что вся Европа заимствовала название *гусара* у Венгров, но мы утверждаем, что мнение неверно, во-первых, потому, что европейские Славяне имели своих озоров еще до прихода Венгров; во-вторых, что в венгерском языке слово *гусар* не имеет никакого корня и, следовательно, никакого значения; а в-третьих, что Венгерцы могли заимствовать это слово у Славян потому более, что они и в Европу приведены Славянами как племя, покоренное последними, что означается и из названия этих Угров *черными*. Когда же Славяне оставили берега Волги, уведя с собой и покоренных Угров, то их места заняли Болгаре; но свободные Угры вытеснили Болгар и, войдя в союз с Ираклием против Хозроя, что было в начале 7-го века, воевали оттуда с Персами и названы были от Славян белыми, т.е. свободными; ибо никто же другой из народов не мог дать им этого славянского прозвания.

Здесь, кстати, рассмотрим значение у Славян слов: *черный*, *белый* и *красный* или *червонный* в иносказательном смысле. Словом *черный* означалась у всех славянских племен невзгода, подчиненность, рабство, неприязнь, стеснение, относившиеся как к религиозным, политическим и гражданским понятиям, так и ко всем естественным явлениям, и потому это слово противопоставалось словам *белый* или *красный*, означавшим под словом *белый* свободу, под словом *красный* благоприятство, как, например, *чернобог* (злой, карательный), *белбог* (добрый, благосклонный); *черный князь* (платящий кому-либо дань или под невзгодой находящийся); например, Георг *черный*; *Белый Царь* (свободный Царь. — Русские Цари начали называться *белыми* со времени победы Донского и свержения ига татарского; впоследствии времени стали уже употреблять слово *белый Царь* как эпитет доброго); *черная смерть* (чума), *красная смерть* (тихая, спокойная); *девки-чернавки* (состоящие в черной и трудной работе), *красные* или *сенные девушки* (комнатные или собеседницы); *черное море* (невзгодное, вероятно, названное так или по бурливости своей или по существовавшему на нем морским разбоям) и *Белое море* (приветливое для мореплавания); *черносошник* (раб) и *белопашец*

(свободный земледелец). Так белой землей называлась, да и доныне еще называется, очищенная от всяких недоимок, пеней, исков и притязаний на нее, введенная во владение собственника; необеленною же она называлась и называется, когда она еще не очищена от исков на ней и собственник не введен во владение таковой, а потому должен платить за пользование ею *дань* или *подать*.

Так принимали и разные славянские племена, бывшие свободными от чуждого ига, прозвание *белых*, и мы находим в летописях *Белоруссов*, *Белосербов*, *Белохорватов*, *Белых Волгарей* (1), или Болгар, *Белых Угров*, *Белых Уннов* (последние сидели близ Люнебурга под именем *Linnopes*). Название *черных* славянские племена не давали сами себе, но получали это прозвание от соседних соплеменников своих. Так, покоренные Римлянами Руссы у Черного моря, покоренные Хазарами Волгари (Болгары) и Угры названы были *черными*. В этом же значении сохранились у Чехов слова: *bělorěwe* и *satporěwe*; у нас говорят также: *белое* и *черное* дело; *красная* весна и *черный* год; светлая или *красная* мысль и *черная*; *красная* Русь или *червонная* (счастливая); *белое* духовенство и *черное* (подверженное многим лишениям). Да, кажется, и самый Чернигов носит на себе отпечаток покорения его; но об этом мы будем говорить, когда коснемся подробностей о Хазарах. Не по подобной ли же причине названы были острова на Черном море, близ устья Днепра лежащие, Белобережьем, ибо ими владели свободные Руссы, бывшие морскими разбойниками (2).

Но возвратимся к Уграм: подчиненность Венгров или черных Угров Славянам явствует, во-первых, из славянского прозвания их

(1) По Никифору Грегора они получили свое название от Волги, следовательно, и настоящее их прозвание должно быть Волгаре или Волгари. Некоторые из наших историков ошибочно принимают одних Болгар за Славян, а других за не-Славян.

(2) Буле, в *Litteratur d. Ruussisch. Geschichte*, 1, 197, полагает, что белыми и черными Славяне назывались по случаю изменения цвета волос в разные возрасты. Как ни смешно и неосновательно это мнение, но подобных ему втиснуто множество в критическое исследование славянской истории.

черными; во-вторых, из того, что немецкие аналиты называют военачальников, приведших Угров, именем *Bojebodi*; ясно, что в этом слове исковеркано славянское: *воеводы*. Мы часто

встречаем у немецких писателей такое извращение буквы *v* в букву *b*; приведем несколько примеров: *Konskje Bodi* (Конские воды), *Abraham* (Авраам), *Jacob* (Яков), *Bethlehem* (Вифлием), *Nebucadnezar* (Навуходоносор), *Baltasar* (Валтазар), *Basilius* (Василий), *Barbara* (Барбара), *Baldur* (Володар), *Chrobati* (Хорваты), *Bulgari* (Волгары), и т.п. А если у Угров воеводы были славянские, то они сами должны были быть подвластными Славянам; ибо победители не изберут побежденных в военачальники или предводители (воеводы) себе. В-третьих, и этнографическое исследование о размещении Венгров со Славянами доказывает, что они занимают землю в перебивку между собой, а это свидетельствует то же самое; ибо победители столь дикие, какими были тогда Угры, не оставили бы посреди себя побежденных Славян, а согнали бы их на один край. А так как этого не было, то, соображая вместе с сим и все вышеприведенное, не могло быть и Венгров — победителей Славян, а были только покоренные Угры, прозванные по этому поводу черными. В последствии времени одна часть этих Угров освободилась из-под ига своего и составила свое угорское государство; после чего и эти свободные Угры, как и восточные их братья, названы были белыми; прочие же придунайские Угры числились под именем черных до слияния их в одно государство с белыми. Должно при этом заметить, что и самое название Венгерцев Уграми есть славянское, сами же они называют себя Маджарами. Угри, в единственном числе угарь, означает на некоторых великороссийских наречиях удалца, смельчака, сорви-голову, или буяна (1), что совершенно соответствовало характеру Венгров во время появления их в Европе.

Итак, от этих Славян, приведших Угров в Европу, последние легко могли заимствовать и слово *озор* и переладить его в *гусар*. Это слово сохранилось и по сие время в провинциальном великорусском наречии и означает шпиона (2); что весьма соответствует сущности дела.

Говоря о девятом выселке, Зороастр не упоминает города, им основанного, но показывает, что «злой дух ввел там грех, не

(1) См. Словарь Великор. област. наречий.

(2) См. Словарь Великор. област. наречий.

имеющий прощения, — мужеложество.»

«Десятый выселок основал город Герехет, полный чистоты (похожий на стан, окруженный полевыми злаками), но там злой дух ввел сожигание трупов.»

Это обычай славянских племен. Есть также и город, похожий на этот названием, — это Геред, в Азиатской Турции; древле в нем жили Славяне.

«Одиннадцатый выселок основал город Геймеонт или Гевмеонт, но народ предался там колдовству и у него было четыре ложных мудреца, увлекших многих к превратным понятиям.»

«Двенадцатый выселок основал город Рагу (Ragha) с тремя пригородами, но народ сделался там упрям и лжив.»

«Тринадцатый выселок основал город Чехру, но там ввели люди сожигание трупов.»

Это название подходит весьма близко к Чехии и Чехам, напоминает всем с тем их обычай сожигания трупов и бывший у них обряд огнепоклонения, свидетельствуемый чешскими и лужицкими соботками, то есть, огнями, разводимыми на горах, сохранившимися даже и в христианские времена в виде обычая, а, может быть, для некоторых и в виде поверья, подобно тому, как у нас на Руси сохранились их языческие обычаи семик и колядование.

«Четырнадцатый выселок основал Верену, город четверугольный. Там родился человек с тройной силой, убивший Дегака. Он же ввел вольные дома женщин, которые выманивали у мужчин деньги.»

Трудно решить: азиатский ли это город Варанаши или иллирийский Варанаш, ныне Чиркниц, в Лайбахском округе, или, может быть, наш древний Воронеж, на реке того же имени, или, наконец, ломбардо-венецианская Верона, принадлежавшая славяно-италийским Венадам, которые, впрочем, по Страбону, составляли уже выселок прибалтийских Венедов. Хотя по летописям и видно, что Верона основана Кельтами, но так как язык

Кельтов весьма близок к славянскому, следовательно, и к бактрийскому и не только, что заключает в себе множество слов

чистых славянских, как, например, обр, скала, баня, павеза, хотар, гул, брзда, тын и пр., но и конструкцию имеет славянскую, так что Appendini еще в прошлом столетии утверждал, что Кельты и Геты говорили славянским языком, то намек Зороастра, сказание летописи, критические наследования иностранных ученых и наша догадка не составляют между собой противоречия. Славянство Кельтов подтверждается и самой формой обоих прозвищ их у Римлян и Греков, как, например, Celti, Celtici и Galli, Gallici (Кельты, Кельтичи и Галли, Галличичи). Отсюда происходит Галиция испанская и, по всей вероятности, и Галичи русские. Окончание существительных имен на *чи* (*ci*) относится единственно к одним славянским наречиям, как, например, Русичи, Галичи, Бодричи, Лютичи, Лужичи, Гломачи и пр. Прозвание Кельтов и Кельтичами или, может быть, гораздо правильнее *колтычами* (сварливыми), в немецких летописях Coldici, Kolditzi, Kolditzer и Koliditzer, существовало в 7-м веке за Сорбами или Сорабями лужицкими и за Сорбами в городе Сораве, ныне Sorau. У нас в России существуют местами и по сие время подобные тому прозвища, как, например, *хлыновцы* и *кулаки* в Московской губернии, *варяжки* — в Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тамбовской и многих других; *козаки* в Малороссии, Архангельске, Вологде и в других местах; а *бурлаки* во всей России.

Что Кельты были Славяне, подтверждается еще и тем, что в некоторых летописях, как, например, в Origenes philosoph. 25. Замолксис или Замолк (если отнять римское придаточное окончание) назван основателем Друидов. У Лукиана, Skytha. 4, клянется Скиф высочайшими богами своего отечества: акинаком (мечом) и Замолксисом (Замолком); в Tocharis того же автора, 38 и 56, клянется он мечем и ветром, следовательно, Замолк есть бог ветра у Скифов. Замолк же часто и утвердительно называется у историков главным божеством придунайских Гетов, по мнению которых люди бессмертны и после земной жизни переходят в небесное царство Замолка. — Что Замолк был главным божеством у Гетов, то говорит также Iamblichus sect. 173. Его сравнивали с греческим хроносом Диоген Лаэртий (VII. 1, 2.) и Фотий (lex. s. v.). Свидас (s. v. Ζάμολξις)

показывает, что Геты почитали Замолка за хроноса. Платон в Charmides, 9, упоминает о Замолковом учении относительно бессмертия души. — Кроме того, Кельтов называли Римляне Кельто-Скифами (Celts-Scythae), а Скифы были предки Славян, что доказывают ныне и новейшие германские историки, следовательно, и Кельты были Славяне. Да и самое имя: замолк есть славянское и означает доброе расположение божества, когда оно перестало дуть свирепо.

Здесь должно еще заметить, что историки причисляют к италийским Кельтам Гломачей (Glomaci), которые, по Шафарику, Славяне; Вольцев (Wolci), по Шафарику, тоже славянское племя; Ретов, по Ливию и Нестору (Славян) Украинцев (Ukrani), Тихошагов, Боев и Готинов (Gothini, т.е. Геты-Унны), о которых будем говорить ниже. — Пиктет (Pictet. De l'affinité des langues Celtiques avec le Sanscrit, 1837), утверждает также сродство их со Славянами. В заключение скажем, что большая часть городов и урочищ Кельтийских носят у Нитара (Nitard) названия славянские, как, например, Чепяна, Руда, Тула, Летава, озеро Плессо, гора Шар, Бранитын, Брянск, Бриславль и другие, ныне Seria, Rouin, Toulon, Bretagne, Plattensee, Scards, Brenne, Brions, Bresle. У него же мы находим и многие другие кельто-славянские названия городов и рек, ныне совершенно изменившиеся; как, например, река Моза (ныне Маас), Ковель (Chalon), Пиктава (Poitiers), Мета (Metz), Битурица (Bourges), река Секвана (Seine), Лува (Loing), Трикасино (Troyes), Магонция (Mainz), река Лигер (Loire), Лингон (Langre), Вормация (Worms), Милидо (вероятно, Молоди, Meulan), Турон (Tours), Елизач (Ellsass), Саберна (вероятно, Сборная, Sabern), река Родан (вероятно, Родень, Rhone, у Римлян Rhodanus), Ременцы (Rheims), Веридунь (Verdum), Коньтвиг (Quentawich, вероятно, Конедвиг) на речке и ныне называемой Конь (Copppe), Миличак на Сене (ныне Mussy), река Савгана (Saonne), река Рень (Rhin, у Римлян Rhenus) и проч. — Кельтов звали также и Голядами (Galati, Galadi, Golti, Golthae), а Голяды оказались также в числе

племен Кривичей, на Протве, и их же следы в с. Гольтье, во Франции.

«Пятнадцатый выселок основался на Семи Индах (реках), образующих сильный Индус; но злой дух ввел там похотливых женщин, от которых произошли воспалительные болезни.»

«Шестнадцатый выселок основал Рангу, или Ранху, весьма богатый город, который мог бы сделаться лучшим обиталищем для людей; но злой дух навел на жителей его сильного властителя, обиравшего только у всех деньги. Там должны, однако же, находиться еще некоторые, независимые в своих владениях, люди, праведной жизни, с первобытными добродетелями, с истинными речами, надежными действиями, с любовью к ближнему и гостеприимством.»

Не относится ли это к славянскому племени - Ранам, бывшему чрезвычайно богатым, сильным и страшным на водах для всех окрестных жителей, перед которыми трепетали и Саксы, и Даны, и Свевы? У нас на Руси остались только небольшие морские суда, чрезвычайно быстрые, сохранившие в названии своем *ранишина* как бы древнее племенное название давно онемеченного славянского племени.

Итак, предположенный Зердестом выселок из Бактрии на Балтийское поморье есть уже семнадцатый рассадник славянского племени. Местность поселения Зороастр означает седьмым климатом, близко соответствующим по делению Греками земли на климаты южному Балтийскому поморью.

Так как мы теперь знаем, что древние Парси говорили славянским языком, то мы уже смело можем искать в славянском языке созвучные с парскими слова для определения собственных имен, встречаемых в последнем в формах, более к нам приближенных историей и потому более знакомых. Поэтому разложив слова Парси на два Па-Рси или По-Рси, нам остается только искать около Индукуша или в Бактрии реку Рось, Рась или Русь и, найдя ее, сказать, что азиатские Парси явились колонистами, близ Киева, под именем По-Россян, в Сербии По-Рассей, в Старой Руссе По-Руссян, у Мемеля По-Руссов, в мнимой Этрурии Рессан и под подобными названиями в

разных других местах Европы и Малой Азии.

Но обратимся к Зердесту: сочинение его заслуживает глубокой разработки, могущей внести много света в древнюю историю всей Европы, сбитую в настоящее время в какой-то конгломерат неразделимый, обращенную в лабиринт неисходный, в котором нам *Парси* и древние славянские памятники могут дать аriadнину нить. Хотя это труд не одного человека и, может быть, не одной генерации, но уже в том большая выгода, что начало приступа к этому делу значительно облегчено: открытие славянства Парсов и их колоний в Европе составляет весьма важную исходную и опорную точку для славянской истории в Европе, дает нам эпохи славянской жизни в разных местах всех трех частей света, составляющих старый материк; а в заключение, показывая огромность всего славянского племени, торжественно свидетельствует, что Греки и Римляне заимствовали все свое образование и учились грамотности у Славян.

Зердест жил между Бактров; некоторые историки называют его царем, другие — верховным жрецом своего народа и преобразователем магии, вследствие чего и называют его *Archimagos*. Книга его «*Зенд-Авеста*» или «*Зендашта*» есть общее поучение и вместе с тем совет предположенному выселку. Во всем своем сочинении Зердест старается изложить и доказать существо единого, чистейшего, незримого, вездесущего, бесплотного, всемогущего, справедливого и безначального Бога, познаваемого только в духе, наделяющего всеми благами людей, просящих его и заслуживающих того своей жизнью. Потом он говорит о бессмертии души, о будущей загробной жизни и об адских наказаниях в чистилище или аде (по зендски *гадес*), в котором вместо воздуха будут дышать грешные в продолжение столетий пламенем. Индусы в понятиях о познании и определении Бога приближаются к Парсам. Ученый британец Сир Уильям Джон свидетельствует, что с именем Браммы Индусы признают над собой владычество Всевышнего, Единого, Непостижимого; а в священных книгах их объясняется, что сей *Единый* ни от кого не рожден; он Бог безначальный, бесконечный, преждебывший,

всеведущий! Он был, есть и будет Величайший Свет в свете; он Брама! Т.е. Творец! – Название «Брама» утратилось у европейских славянских племен в отношении наименования

Творца; но оно отчасти сохранилось под понятием под ним верховного или царя, так, например, приволжцы до сих пор называют самый верхний мачтовой парус «брам-топ» т.е. царь-парус, высший парус.

Но когда у Индусов говорится о Боге как о Непостижимом, как о Духе безначальном, бесконечном и предвечновечном, тогда его называют Вишну (Вышний, Всевышний), т.е. Дух высший, для творений непостижимый! – Вишну и Вышний составляет по подразумеваемому под ним предмету одно и то же слово у Индусов и у Славян; вся разница только в окончании; и это изменение произошло, разумеется, от отдаления индийского славянского племени от европейского так, что между ними не было никаких сношений, и кроме того, встречены ими различные внешние обстоятельства, влиявшие на изгибы слов и самых выражений.

Далее Зердест говорит о высочайшей степени разврата Бактрийцев, о их содомских и других грехах, о их неподвижности, или застое, и о введении у них раскола, похожего на нашу хлыстовщину. Этот культ, как раскол браминства, называется у Индусов буддизмом; в главном существе своем он общий Парсам, Индусам и европейским Славянам и состоит в свальном грехе. Зердест пишет о нем довольно подробно; Нестор упоминает о существовании его между Древлян, Родимичей, Вятичей и Северян. В новейшие времена он снова и неоднократно возникал в России; преподобный Тихон Задонский проклинал какого-то Ярило, введшего в его время этот раскол с обрядом буддистов.

За всем тем парсский мудрец дает поучения в нравственности, в любви к ближнему, в приемах к медицинскому пособию и, наконец, высчитав, сколько до него произведено было выселков в разные времена и страны, советует снова сделать выселок к берегам Балтийского поморья, в седьмой климат, причем, описывая этот климат, предостерегает, что там холодные зимы и бывает много снега, вода и земля в это время замерзают; что по этой причине нужно строить не только дома для жилья, но и зимние помещения для

животных и заготавливать для них сено. При этом Зердест определяет, какие лица в нравственном и физическом отношении должны быть избраны для этой колонии, каких следует им взять с собой животных, и советует, чтобы избранные животные были благородной крови; он не забыл даже и о необходимых для разведения в той стране растениях.

Объясняя все вышесказанное, он, между прочим, ясно определяет, что не все Бактрийцы были земледельцами, но что между них были и занимающиеся скотоводством, кочующие племена, которых, как мы доводим, в древние времена называли Аланами, а в средние, вероятно, по-Аланами, а потом уже Полянами. По нашему мнению, слово *Поляне* произошло не от полей, как предполагают некоторые летописцы и как говорят за ними наши историки, и потому это название не есть собственное имя народа, ибо и Нестор говорит: Поляне Ляхове сидят по Висле, а Поляне Руссове — по Днестру; а из этого ясно, что слово *Поляне* есть нарицательное имя и состоит, подобно слову *по-Руси* из двух слов *по-алани*, т.е. сидящие по пастбищам, или пастухи; да и самое слово *алань* сохранилось у нас и по сие время в некоторых великорусских областных наречиях и означает пастбище (1); притом и алаунская возвышенность, столь богатая пастбищами, прозывалась прежде аланской; это мы видим из всех почти древних историков, говорящих, что из Аланских гор (*Alani montes*) вытекают реки Дон, Днепр, Волга и Двина; следовательно, Аланские горы и Алаунские составляют синонимы. Из истории мы видим, что подле каждого отдельного Славянского племени сидели и Алане, и напрасно полагали некоторые исследователи, что это все одни и те же Алане, постоянно передвигавшиеся с места на место. Алан, Ружан и Гетов хотя мы и находим в разных местностях Европы, но замечательно при этом обстоятельство, что в каждой такой местности мы встречаем непременно все эти три касты одну подле другой.

(1) См. Словарь Великор. област. наречий.

Предположив же, что Киевляне были Поляне в том смысле слова, как мы его теперь принимаем, нам делается ясно, отчего такое многочисленное племя подчинилось сперва малому числу Хазар и платило им дань, а потом Оскольду и Диру, не могшим привести с собой большой дружины. Пастухам ли сопротивляться даже и самой незначительной, но образованной в воинских делах силе?

Итак, явствует, что каждое славянское племя имело и своих Гетов, или Гефов, именем которых обозначались воины. — А так как Геты, Алане и Рути в принимаемом нами смысле слова суть имена нарицательные, то мы и встречаем их в истории слитыми с племенными именами, как, например, Алани-Рси (Alanorsi), или Руссы-Алане (Rox-Alani, Roxolani, Roxalani), Венды-Алане (Wendi-Alani, перелаженные впоследствии в Wandalini и наконец в Wandali). А что мнимые Wandali племени славянского, нас убеждает еще и Адам Брем, говоря, что Склавония (т.е. славянская земля) обитаема Винулями, которых прежде называли Вандалами. Он же говорит, что если включить в нее Богемию и за Одрою живущих Полян (Поляков), которые не отличаются от Винулей ни наружным видом, ни языком, то вся эта Склавония будет в десять раз более Саксонии. Из этого же явствует несомненно, что Вандалы были Славяне, и что настоящее их прозвище Венды-Алане. Да и в Вессебрунской летописи они описаны вместе с Венедами как с родичами их в одной статье под заглавием «Windi et Windili».

Так точно мы читаем у древнейших греческих писателей, что в верхней Италии сидели Геты-Руссы (Γεταί Ρυσσί), которых позднейшие историки переделали сперва в Гетрусков, а потом в Этрусков. Стефан Византийский говорит в своем географическом словаре: «Ρηταί Τυρρηνικὸν Εθνός», т.е. Реты (Славяне) племя этрусское. Ливий, родившийся в Падуе, между Славян, говорит: горные Славяне (т.е. Геты) ничего не удержали из прежнего этрусского величия, кроме языка своего. Кроме этих писателей подтверждают славянство Этрусков: Плиний, Юстин, Диодор Сицилийский, Страбон и многие другие, а Феофилакт Византийский называет Славян древними Гетами. Arsietae Птолемея также никто другой, как Рсы-Геты или Руссы-Геты. Так Геты-Поднестряне

названы у историков Тирагетами оттого, что Днестр назывался Тирасом; так точно Геты-Пеняне, сидевшие на реке Пене, впадающей в Балтийское море, названы в хрониках Пиенгетами и потом Пиенгитами; племенные их названия в обоих случаях опущены, а показаны одни только географические, подобно тому как у нас говорят о казаках, называя их по местностям донскими, черноморскими, запорожскими и пр. — Впрочем Маркиан указывает нам ясно, какое славянское племя называлось Пиенгетами; он говорит о племени Лютичей, известных в истории под названием Ретарей, добавляя, что их называли и Гетами на Пене. Не отсюда ли перешло к полудиким в то время Германцам и слово Ritter (от Ретарь), когда они помогали Славянам громить западную Римскую империю? — Так же точно в Скандинавии, названной Геродотом древней Скифией, следовательно славянскою землею, были Геты-Унны, которых немецкие хронисты переделали в Gettunni, Gettini, Gothunni, Gothini и Gothi, а скандинавы в Iot unni; Иорнанд же, принадлежавший сам к мнимому готскому народу, называет соплеменников своих Гетами в сочинении своем: «de rebus Geticis»; но как он сам объявляет, что он происходит от Алан, следовательно, он сделался гетом, вступив только в касту их; ибо не мог же он происходить от Гетов и Алан вместе. Так же точно и Геты придунайские носили племенное имя Даков. — Туберони ясно говорит: *Atque indo conjicio Slavenos et Gothos eandem esse nationem* (что относится до Славян и Готфов, то они составляют один народ). Фома, архидиакон, говорит о Далматах так: *Gothi pluribus dicebantur, et nihilimisis Sclavi sunt secundam proprietatem nominis* (т.е. хотя многие зовут их Готфами, однако же их собственное имя Славяне). По этому обыкновению называть Славян Готфами и Салонский собор (1060 г.) назвал азбуку Кирилла Готфскою (*litterae Gothicae*).

Геты составляли всегда пограничное или сторожевое славянское население, вроде нашего казачества, или военной сторожевой линии; в этом мы еще более убеждаемся особенною их против других племен воинственностью. Надобно полагать, что и самое казачество есть остаток Гетов, ибо оно сохранило и должностное

звание для своего начальника *Гетман*, произведенное от Гета и в песнях своих слово *геть* или *гейть*, соответствующее нашему *гей-ты* или *смотри-ты* и означающее сторожкость, входящую в их непрременную обязанность. Так мы видим, например, из малороссийской песни, что казак, поджегший дворы ляхов, говорит своему хлопцу:

«Солнышко уже, *геть*, припекае,
Геть! покатыть дым и поломья!»

Здесь в обоих случаях слово *геть* означает *смотри*.

Хотя наши новейшие историки и утверждают, что будто казачество существует только с XV века, но мы докажем в подробном обзоре этого предмета в следующих выпусках, что это название существовало у Славян многими веками ранее и проявлялось в средние времена под различными наименованиями и в том числе под именем Украинцев (т.е. сидящих у края государства), переложным немецкими аналитами в Украинов (Ukraner), Крайнов (Krainger), и Крайнцов (Krainger), а греческими в Генидов.

Сюда же должно отнести и прозвание земледельческих Славян *Ружанами* (Rugi) или ружниками; значение этого наименования сохранилось у нас в слове *руга*, означающем условную выдачу зерновым хлебом; а равно и названия, производные от него: Rugiani, т.е. Руги-Унны (Urugi), слитое с племенным названием, Унны, в Уруги-Унны (Urugiunni), переложным хронистами в Urugunni, Urugundi, Urugundini, Urugundioni и, наконец, как мы говорили выше, в Burgundioni и Burgundi. Агафий и некоторые другие писатели называют Волжских славян или Болгар Burgundi и Burgundioni; но Никифор и Константин Багрянородный называют их Гунно-Гундурами. Волохами прозвали их Далматы, на наречии которых Волох означает кочующего или пастуха. Хотя Нестор и указывает Волохов на том месте, где сидели Бургунды, но нет еще достаточных данных для свода этих двух названий к одному знаменателю, несмотря на имеющиеся сведения о том, что Бургунды были Гунно-Славяне, Булгары же Гунно-Волгары и также Славяне, ибо Греки вообще называют Уннов

Болгарами (Ὀὐννοὶ Βουλγαραί); Феофан и Кедрин называют их Славянами, говоря: ὁ Οὐννοὶ ο καὶ Σκλαβῖνοι; Беда,

Иорнанд и Виктор Тунунский (560) называют Болгарами тот народ, который слыл у других писателей под именем Гуннов. Остается поэтому только доказать сближениями, что Гундури и Ургунди, впоследствии Burgundi, означают одно и то же племя. Переселение части Бургундов с Немецкого моря к Дунаю могло совершиться во время царствования Атиллы, который и сам исшел из той же страны и увлек с собой все славянские племена. Если эти догадки о Болгарах подтвердятся еще другими, более близкими доводами, то откроется весьма важный факт для славянской истории.

Что Руги-Унны (Rugi, Rugiani), жившие на острове, называемом ныне Rugen (Рюген), были славяне, явствует и из того, что главное божество их называлось Святовидом, а князья их носили славянские имена, как например Теслава (Teslaw в 1260), Яромира (Eromar, Iarmor, в 1268), Стойслава (Stoislaw, в 1274), Вышеслава (Wislaw, в 1315) и проч. Руги или Ружане в Венгрии принадлежат также к славянскому племени и сохранили родовой славянский язык свой. Место исхода Бургундов, сопредельных впоследствии Франкам, есть остров Борнгольм, называвшийся в то время Burgundaholm (холм Бургундов). Здесь не излишним будет заметить, что у древних Славян острова назывались морскими холмами. Бургунды вышли из этого острова под предводительством своего князя Гонтогара. Это имя (Гонто-гар) должно быть эпитетное, означающее истребительные действия огнем в неприятельской стране; ибо гонтом называется и теперь в некоторых странах России верх крыши. Подобное эпитетное название мы встречаем у придунайских Славян, которые прозвали князя своего Громихаты (Громи-хаты) в свидетельство того, что он нападал преимущественно не на войска, выставленные в поле, а на жилища врагов своих.

Но об этом объяснимся в своем месте подробнее, а теперь скажем только, что народ под именем Руссов и касты его Гетов, Ружан и Алан мы найдем там же, в Азии, рассеянными около

Индукуша, в стране, носившей название Гедросии, или правильнее сказать Гето-России, что составляет нынешний Белуджистан; там мы, вероятно, узнаем, как из Арахозов (Арихази) сделались Хазары или Хазари, как и от чего образовалось название Уннов и проч. Упомянем здесь бегло, что Хазар есть нарицательное имя, а не собственное и означает еретика. Христианские Славяне заменили это название словом *погани*; у германцев же оно сохранилось в слове *Ketzer* (еретик) с полным значением древнего славянского смысла, под этим словом подразумевавшегося. Запорожские и Малороссийские казаки до 18-го века сами себя называли Козарами.

Что некоторые Руссы были Хазары, мы видим из сохранившихся в летописях названий *Hasirrozzi*, *Hasirozzi* и *Hasarozzi*, означающих не что иное как Хазар-Руссов, или еретиков-Руссов (*хази* и *хазари*); Нестор называет их Козари Русские. И теперь еще существуют в великороссийских областных наречиях слова, имеющие общий корень словом *хазар* и одинаковый смысл, как, например, в Архангельской губернии *хазь*, или *казь* (нечистота, поганство), в Вологодской: *хозяй* (драчун, забияка, упорный), в Воронежской *хазить* (делать не так, как другие делают).

Но вернемся к Зердесту: далее он предлагает будущим колонистам взять с собой пастухов, или упомянутых нами выше Алан. При вступлении на предуказанную землю он советует построить город, определяя его план и пространство, и ввести правление демократическое, дабы никто не был больше других, но все, в правах своих равны между собой.

Это, вероятно, и послужило поводом к основанию Венедами вольного города на поморье, известного у немецких аналитиков под именем Винеты на Вольни, перелаженой германцам в *Wollin*, а по другим спискам в *Wolni*, *Waloin*, *Wulini*, означавшей у древних Славян *вольную область*, которую мы называем северной, для отличия от юго-западной Вольни, названной Геродотом Гелонью (*Τελονεύ*), существующей и теперь на Руси по названию своему и бывшей, вероятно, также вольной славянской областью во времена до-Рюриковские, ибо откуда же взять подобное название, когда

нет ни города, ни реки, соименных ему? А между тем Владимир назван Вольнским, Каменец также; притом по

Нестору известно, что Дулебы и Бужане, присоединившись к этой области, приняли название Вольнян. Этим сверх того доказывается, что Вольнь была обширна, ибо включала в себя не одно славянское племя. Тоже можно сказать и о северной Вольни, ибо населявшие ее Лютичи делились на несколько племен, в числе которых называет нам Адам Бременский Хижан, Черешпан, Туложан и Ретарей. Они же назывались, по Маркиану, Гетами на Пене. По Видукинду (III. 69), Лутичи назывались также и Вольнянами. Этим свидетельствуется, что название *Вольняне*, не есть племенное или собственное имя, а нарицательное, свидетельствующее политический быт народа. Маркиан называет северных Вольнцев *Celones*, у Геродота же так названы южные Вольнцы.

Юго-западная Вольнь могла быть также вольною областью, какими были до Рюрика Поморская, Новгородская, Псковская и Низовская, что в нынешней Германии, а может быть, и другие, коих названия не дошли до нас ни в летописях, ни в местных урочищах, сохранивших, подобно Вольнскому, в имени своем признак образа управления своего, ибо по слободам, рассеянным по всему Русскому государству, можно предполагать о многих вольных если не областях, то по крайней мере местечках, потому что под слободою разумелась свобода в действиях; да и теперь сохранились в великорусских наречиях слова *слобода* и *ослободить*. Эти слободы назывались на Вольни и в Полесье волицами.

О низовской Вольни мы можем сказать следующее: из Славян, сидевших в нынешней Германии, составляли также вольную область Гломачи (они же и Далеминцы) и Нижане. Они занимали все пространство от Лабы (Elbe) до Каменцы (Chemnitz). Вечевой город их был Звоничи, к которому принадлежали по союзу Каменец (Chemnitz), Черлы (Zschorlau) и Шеки (Zschokau).

Должно полагать, что Галич костромской был также вольным городом, ибо две народные песни сохранили его

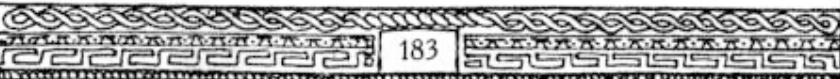
название *Волынцем*, где при описании богатырей русских, выезжавших во времена Владимира на Киевские своего рода турниры, упоминается в одной песне о Дюке Степановиче, так: «Из славна Волынка, красна Галича, из Карелы богатыя»; а в другой, о Михаиле Козаринове, говорится так: «Как издалече было, из Галича, из Волынца града, из красного». Карелы действительно жили, кроме других мест, также и в нынешнем галицком уезде, где до начала текущего столетия сохранялись их, отличительные от русских головные уборы. Название же Галича *Волынцем* свидетельствует о бывшем некогда роде правления в нем.

Мы сомневаемся в том, что все вольные области славянские имели постоянно князей своих, как Новгородская до времен Иоанна или как греческие в начале развития своего, но управлялись народным вечем, как во всех первобытных республиках и даже греческих, не лишенных князей своих.

Но обратимся опять к Зенд-Авесте, или Зендаште. — При окончании своих поучений Зердест предсказывает будущим выселенцам или Венедам, что если они приложат заботы к земледелию, то скоро обогатятся через посредство приезжающих туда, для скупа произведений земли купцов, и что имя их будет далеко известно и знаменито. Это ободрение он заключает словами: «сие есть святая истина».

Принимая Винету по ее древности за старший венедский город, а по смыслу названия области, в которой он находился, *вольною*, за тот самый, который предназначен был Зердестом к построению колонистами, мы должны сказать, что предположение парского мудреца действительно сбылось, ибо немецкие историки пишут, что Винета на Волини была в пятом веке величайшим и богатейшим городом, в котором все, чего ни пожелаешь, можно было найти; что был там даже вулканов горшок, называемый туземцами греческим огнем, что в пристанях ее находилось всегда бесчисленное множество кораблей всех народов, а в самом городе полная веротерпимость, и что иностранцы не допускались только в святилище Волынцев; что в ней жили Венеды, Венеды-Алане, Саксы и многие Греки.

Подробное описание этого города у аналитов свидетельствует,

что торговля и промышленность были в этой стране на высочайшей степени развития, а искусства затмевали совершенством своим все, в том роде известное у других народов. Ее называют некоторые историки финикийскою колонией вместо бактрийской; но теперь оказывается, что Финикийяне также из Бактрии. Адам Бременский называет Винету в одном месте славонским (славянским), а в другом — Скифским городом; Скандинавский писатель Sweno Agonis — гуннским (Hunnisburg). Пространство, Винетой занимавшееся, составляло около двадцати квадратных верст. Ее место, говорит Адам Бременский, от нас за рекою Отдарою (Oder).

Итак, язык, названный Дю Перроном зендским, есть собственно бактрийский, или, если возводить его до первообраза своего, парсский, и Парси, жившие в Бактрии, суть предки Славян-Венедов и их соседей Алан, коих название сохранилось в местности, тучной нажитями, а именно на Аланских островах. Алане постоянно сидели бок о бок каких-либо соплеменных Славян. Гальские Алане сидели подле Славян-Бургундов, которых мы называем Славянами потому, что кроме настоящих доводов наших, имеющих быть помещенными в особом выпуске, все франкские историки называют их Скифами и Сарматами; византийские же историки называют Скифами Руссов и Венедов; германские историки называют Сарматов Slavi Sarmati, а скандинавские называют Руссов и Венедов — Гуннами; следовательно, все эти названия составляют синонимы и относятся единственно к славянским племенам.

Когда Алане гальские начали оставлять пастушескую жизнь, то построили себе на реке Самаре, нынешней Somme, город Самаробреги (т.е. Самарские берега), называющийся ныне Амизном (Amiens), и прозвание их Аланами само собою должно было прекратиться, что и действительно последовало во времена войн их с Бретонцами. При утрате общего занятия целых селений, дававшего им поминальность, должно было исчезнуть и самое название, служившее только эпитетом образа жизни и трудов их.

Вот почему исчезают у нас в истории так часто мнимые племенные имена, которые в свое время были не что иное, как

прозвища, данные соседями по занятиям, обычаям, одежде, образу жизни и по другим подобным отношениям.

Действительно, должно сознаться, что в историю не только Славян, но и всех народов Европейских внесено вместе с истиной так много неверного, превратного, баснословного, пошлого, смешного и эгоистического, что давно бы пора выколотить из нее всю пыль и сор, вкравшиеся частью от неведения, частью от властительного характера и гордого образа мыслей Римлян и Греков, желавших повелевать всем миром и потому считавших прочих людей или рабами своими, или варварами, недостойными свободной гражданской жизни! — А сколько после Греков и Римлян являлось на сцену историографий ослепленных последователей, считавших за святотатство проверку древних сказаний, и, кроме того, сколько подражателей во вновь составлявшихся деписаниях, и, наконец, сколько спекуляторов, которым дороги были не факты науки, а выручаемые деньги; эти меркантилисты исказили еще более историю, не заботясь нисколько о ее чистоте и достоинстве. — Такова ли должна быть история? Эта святая истина! Эта наставница для правителей и наука жизни для всех? Таковы ли должны быть жрецы ее, каких мы нередко встречаем в ее святилище? Там толпились и бездарные компиляторы, и гнусные льстецы, и злые клеветники, и упрямые раскольники в науке, и хитрые торгаши ею посреди немногих чад истины, живших собственно для науки и занимавшихся ею по призванию, а не по обязанностям и расчетам.

Но мы снова увлеклись общностью предмета и удалились от Парсов. Обратим последний взгляд на народ, посреди которого жил Зороастр или Зердест. Книги его свидетельствуют, что Парси или По-Рси имели свои письмена и находились на высокой степени образованности, занимались хлебопашеством, скотоводством и торговлей. Хотя большинство их было развращено в его время, как он сам на то ясно указывает, но это судьба всех народов, отживших золотой век свой. Мы видим из истории, что и Греки, и Римляне предались по миновании золотого века своего также разврату и тем не только погубили свою самобытность, но и упали нравственно и умственно ниже многих окружавших их народов.

Самого Зороастра мы считаем глубоким мудрецом и политиком своего времени. Он не надеялся произвести своими поучениями

влияние на всю массу народную, а потому решился действовать только на избранных, дабы извлечь их из среды соблазна особой колонией на место, отдаленное от родины, чтобы отдаленностью именно прервать всякое сношение между избранными им, чистыми, с оставшимися, растленными в страстях и пороках.

Если б кто вздумал сказать на это, что Зороастр был один на такой высокой степени образования, как блуждающий огонь на болоте, то мы возражаем: нет! Его глубокие, чистые, здравые и разумные мысли должны были понять все его новые колонии, ибо без этого они не могли бы и состояться. А притом довольно упомянуть, что Венеды, современные Зердесту, имели уже в числе предков своих Финикиян, Эфиоплян, Египтян, Карфагенцев, Фиванцев и вынесли с собой на Балтийское поморье грамотность, понятия о едином Боге, о бессмертии души и о высокой добродетели гостеприимства, улаждающего бытие каждого человека, даже чуждого, забредшего странника! И все это было за 2000 лет до Рождества Христова, следовательно, прежде, нежели Греки научились у Финикиян, Лидийцев и Эфиоплян грамотности; даже прежде, нежели получили условную оседлость между этих славянских племен!

Любопытно было бы взглянуть и на врачебные знания Парсов, их глубокое уважение к жизни человеческой, выясняющееся из понятий не только о болящих и в особенности о мнимоумерших, но и об окружающих тех больных здоровых людях, могущих подвергаться заразам одним словом: на их гигиену, диететику, семиотику и терапию, не носящих хотя пышных заглавий отдельных медицинских наук, но в общей массе своей под простой фирмой знания, обязывающих читателя к полному уважению сведений, основанных на тонких наблюдениях и разумных опытах. — Но этот труд составил бы уже отдельный взгляд, не касающийся политической жизни народа, а потому мы и предоставляем его историкам врачебной науки.

СКИФЫ И САРМАТЫ

(дополнение к прежней статье)

Во втором выпуске мы старались уяснить, что прозвания Славян Скифами и Сарматами отнюдь не составляли родовых или племенных названий, ибо в противном случае нельзя бы было сказать, что Сарматы Скифского племени или Кельтоскифы Кельтского племени; кроме того, Скифы и Сарматы не совпадали бы у древних историков и географов на одном и том же месте. — Мы доводили, что название Сарматов произошло от сыромятников; и действительно, выделка сыромятных кож до новейших времен известна была одним Славянам, подобно тому, как и выделка юфти. В том же выпуске мы объяснили обстоятельство, по которому Греки могли прозвать Славян Скифами. Но есть еще другой довод, который, кажется, гораздо ближе подходит к сущности дела и доказывает, что названия Скифы и Сарматы составляют синоним, но только на разных языках, ибо означают один и тот же предмет. На греческом языке Σκῦτοξ (скутос) означает у адриатических греков «кожу» (cutis), а у понтийских Греков «сыромять» или сыромятную кожу (См. Odiss. 14, 34). А так как Греки называли Славян также и именами: Σκῦτος, и, Σκῦφος и Σκῦτος, то значит, что они называли их на своем языке кожевенниками, а это название вполне соответствует и сыромятникам, ибо они также выделывают кожи, следовательно, те же кожевенники.

Зная же, что Руссов называли Скифами, Троянами и Славянами, мы переносим на первых, т.е. на Руссов, все те отличительные черты, которые засвидетельствованы порознь за всеми тремя относительными их названиями историками фригийскими, греческими, римскими и немецкими, и из сего группирования свойств и развития одного и того же народа

оказывается, что просвещение древних Руссов и старше и выше греческого.

Предполагая подробное изложение этого предмета поместить в следующих выпусках, в статье о Руссах, мы приведем здесь только некоторые факты, к этому предмету относящиеся.

Геродот говорит, что самые умнейшие люди, которых он знал, были Скифы.

Страбон защищает Скифов, говоря, что если они приняли что-либо дурное в свой обычай, то заимствовали это у Греков и Римлян.

Дит и Дарет говорят, что Руссам Троянским известны были музыка, живопись, механика, комедия и трагедия.

Римский посланник к Атиллу говорит, что Скифы (Унны) самый правдивый народ и лжи не терпят.

Адам Бременский утверждает, что Скифам известен греческий огонь, называемый у них вулканным горшком.

Все историки единогласно подтверждают, что Скифы лучшие воины, а Свидас свидетельствует, что они издревле употребляли знамена в войске, чем доказывается регулярность в их ополчениях.

По Эфору, Анахарсис-Скиф причислен был к числу семи мудрецов.

По сказанию многих писателей в 670 году до Р. Х. некто Скиф или гиперборей-Аварис творил чудеса в Греции.

Промышленность Скифов также опережала таковую же у всех прочих народов; ибо известно и приведено нами в первых выпусках наших материалов, что Скифы изобрели сталь, огниво, нелиночиие краски, выделку кож сыромятных и юфти; им известно было бальзамирование трупов, что они и исполняли над трупами царей своих; им же принадлежат и первые горные работы и разные другие открытия и изобретения. Астрономия Скифов (Халдеев) есть, сколько известно, старшая у всех народов.

Скифские письмена, сохранившиеся в некоторых скандинавских и всех поморских рунах, а также и по левому берегу Енисея, повыше Саянского отрога, свидетельствуют, что служили образцом для древних греческих письмен, равно для Кельтских и Готфских алфавитов.

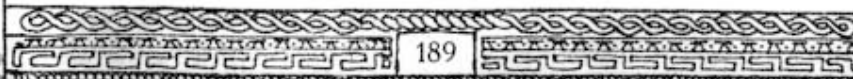

Скифы верили в бессмертие души и в будущую загробную жизнь, а равно и в наказания загробные. Их определение и идея о Творце вселенной не делает стыда и христианам (См. ст. Парси).

Но все приведенное нами составляет только отрывки из разбитой по разным сказаниям истории развития и просвещения Скифов; главные их аргументы, без сомнения, утрачены все во время политических волнений на востоке, пожиравших и истреблявших все огнем и мечом, и Греки только потому так выдались вперед, на первый план народов просвещенных, что известия о них более сохранились.

Мы считаем обязанностью сказать при этом, что мы далеко еще не истощили всех данных, найденных нами в разных сказаниях о Славянском народе под разнообразными его наименованиями.

АГАФИРСЫ ИЛИ АХТЫРЦЫ

(дополнение к прежней статье)

Греки и Римляне называют Агафирсов Скифами; у первых они показаны сидящими на реке ΧΕΥΕΣΙΣ, у Плиния же и у географа Zannoni на реке ΧΕΥΕΣΙΣ. Плиний называет их также Аланами и Роксоланами. Тут мы видим четыре названия для одного и того же племени. Но как мы уже доказали прежде, что Скифы есть название, придуманное Понтийскими Греками, Алане есть название касты, Роксолане есть название, слитое из названий племени и касты, т.е. Руссов и Алан (Roxi-Alani), следовательно, Руссы (Roxi, Rossi, Rozzi) есть племенное имя их. Чтобы яснее определить значение названия этого племени Агафирсами и показать соотношение Агафирсов к Руссам, рассмотрим следующее обстоятельство: Руссы или Агафирсы сидели на реке ΧΕΥΕΣΙΣ или Chesinus; но как по карте Zannoni и по указанию историков местность упоминаемых ими Агафирсов совпадает с Ахтыркою, греческое же название реки ΧΕΥΕΣΙΣ означает *гусиную*, по производству от ΧΕΥ (гусь), следовательно, Греки перевели только на свой язык русское слово *гусиную*, т.е. название реки, при которой лежит Ахтырка; а Римляне переладили греческое слово ΧΕΥΕΣΙΣ по своему в Chesinus. Итак, Агафирсы сидели на реке Гусиной, в той местности, где находится наша древнейшая Ахтырка; родовое их название Россы, по касте они принадлежали к Аланам, или пастухам, т.е. скотоводам, а видовое их название по городу их, Ахтырке, Ахтырцы.

Итак, описываемые Греками Агафирсы, сидевшие на реке ΧΕΥΕΣΙΣ, суть Ахтырцы, на реке Гусиной, которые, по указанию Плиния, суть Руссы, занимавшиеся скотоводством.

ВАРЯГИ

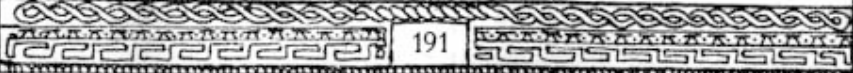
(дополнение к прежней статье)

о 2-м выпуске материалов для Славяно-Русской истории мы уже говорили о варягах. Рассмотрев этот предмет с разных точек зрения, нам представляются еще следующие новые доводы.

1. Старая Руса на реке Русе существовала еще до пришествия варягов, принадлежа к Новгородской области; следовательно, Руссы уже были в этой вольной области до призвания князей варяжских. Эти Руссы могли точно так же участвовать в призвании варягов, как и прочие племена Новгородской области.

2. Они, Руссы, и действительно участвовали в этом призвании, ибо в Лаврентьевском или старшем списке Несторовой летописи сказано: «и реша Русь, Чудь, Словене и Кривичи: (варягам-Руси) вся земля наша и пр.» То есть варягов-Руссов призывали к себе четыре племени Новгородской области, в числе которых, во главе, стоят Руссы. На основании этого мы можем слова летописи выразить так: Руссы вольные, или Новгородские, жившие в старой Русе, призывали из-за моря Руссов, княживших в том краю и бывших варягами. Но Тимковский, обаянный шлециерианизмом, находя в этих приведенных нами словах летописи совершенное ниспровержение идеи скандинавоманов, придумал для соглашения летописи с мнением Шлецера извратить текст под видом исправления так: «реша Руси Чудь, Словене и Кривичи». — Этим он надеялся совершенно устранить Руссов Новгородских и тем доказать, что будто Руссов в это время вовсе не было в России. Не станем укорять его в злоумышлении против Русской истории и допустим, что он не смекнул о древности существующего и по сие время города Старой Русы, построенного на реке того же имени, принадлежавшего к той же Новгородской области; но и в этом последнем случае он явно обнаруживает не призвание свое к подобному труду, ибо можно ли с такой слепотой, с таким

односторонним взглядом приниматься за историческую критику, требующую обсуждения предмета своего со всех

возможных точек зрения. Можно бы было допустить попытку исправления текста в таких местах, где он темен и не выражает ничего осмысленного; но извратить мысль ясную, здравую и логически изложенную и дать ей чрез то совершенно превратный смысл есть или безграничное ослепление, или недобросовестность — татба исторических фактов.

3. Далее скандинавоманы говорят, что будто от варягов прозвалась страна восточных славян Русью. Но что подобное утверждение совершенно ложно, то явствует из текста летописи, в которой сказано: «От тех (варягов) прозвася Руская земля, Новугородъци, та суть людие Новугородъци от рода варяжска преже бо беша словени». Из этого мы усматриваем, что от варягов прозвалась Русская земля не Русью и не Славянскою землею, а Новгородцами, т.е. все племена Русские, составлявшие Новгородскую область, приняли по пришествии варягов общее название Новгородцев и перестали употреблять отдельные названия свои по племенам: Руси, Чуди, Славян и Кривичей; но что до того все эти племена назывались вообще Русью, ибо на вопрос: кто прозвался Новгородцами? Летопись отвечает: Русская земля. — Мы к этому прибавляем: а где Русская земля, там и народ должен был называться Русским. Далее летопись поясняет, что Новгородцы прозвались так (т.е. Новгородцами) от варягов, а прежде они назывались Славянами; это подтверждается двумя местами текста: 1-е приведено выше: «то суть людие Новугородъци от рода варяжска, преже бо беша Словени», и 2-е, когда он говорит об апостоле Андрее, «и приде в Словени, идеже ныне Новгород»; кроме того, он и в самом введении говорит еще, что в Новгороде жили Славяне и управлялись сами собою.

Из этого выводится само собою логическое заключение, что Руссы, жившие в Новгороде, назывались до прихода варягов Славянами, в Старой Русе — Руссами, в Смоленске — Кривичами, у Белого озера — Чудью, а земля, или страна их,

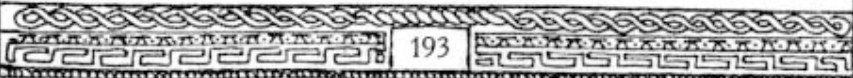

именовалась русскою или Русью; ибо, судя по тексту «от тех прозвася Русская земля Новгородьци» земля, занятая всеми четырьмя упомянутыми племенами, называлась вообще, и до пришествия варягов, Русскою.

4. Были ль Варяги-Руссы соплеменны Руссам Новгородской области, участвовавшим в призвании на княжение? — Чтобы убедиться в этом несомненно, рассмотрим наш вопрос с другой точки зрения. — При построении Старой Руссы, которой эпоха гораздо древнее варягов, заставших ее существующую уже под этим именем, наверное, она названа была просто Русою, ибо, строя новый город, нет никакого повода назвать его старым. Что же могло заставить Руссов назвать свой город старою Руссою? Без всякого сомнения то, что ими же где-либо построена была другая Руса, получившая по позднему своему происхождению название «Новой», а потому для различия и нужно было прежнюю Русу отметить прилагательным *старая*. Но такое обстоятельство могло встретиться только тогда, когда обе Русы построены были одним и тем же племенем, ибо разные племена не имеют в том надобности. Так мы имеем два Ярославля, три Владимира, две Москвы, но ни один из этих городов не назван ни старым, ни новым, потому что они построены разными племенами. О Владимире и Ярославле западных Славян, и о Владимире Волынском, построенном Бужанами (называвшимися и Вольнянами), уже писано довольно, а потому мы скажем только несколько слов о второй Москве, построенной, вероятно, в 3-м или 4-м веке нашей эры Славянами-Лужичанами, принадлежащими к племени Слезан (нынешних Силезцев). Западная Москва существует и теперь в нынешнем Лаузице и составляет столицу бывшего графства, а ныне княжества Пюклер-Мускау. Немцы называют ее Muscau, а нашу Москву — Moscau; Лужичи зовут ее Мусква. Эта Мусква отличается в названии своем от Москвы тем же, чем Русь от Роси, и указывает только на два различных славянских наречия, коих народы жили каждый про себя отдельным миром; но ни та, ни другая Москва не называется ни старою, ни новою.

Это ведет к заключению, что после старой Русы была построена тем же самым племенем и Новая Руса, ибо если бы

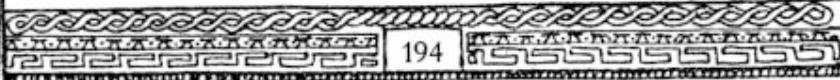

название Старой Русы состояло из одного слитного слова, как, например, Староруса, тогда можно бы было предположить,

что ее построили какие-либо раскольники русские и названием ее *Старой* хотели усвоить ей значение причины построения и вместе с тем свою отдельность от прочих Руссов; но слово *Старая* в виде прилагательного имени, есть явный знак придаточного впоследствии названия для необходимого различия двух одноименных городов у одного и того же племени, имевших постоянное сообщение между собою.

Но где же искать нам Новую Русу? На этот вопрос мы отвечаем следующее: так как Новая Руса уже своим названием свидетельствует о позднейшем своем построении, то, следуя историческим показаниям о движении Славян с востока на запад, должно и Новую Русу искать на западе от Старой. Мы действительно находим ее там между устьями Мемеля или Немана, разделившегося к морю на два рукава, из которых правый называется и доньне Русою и впадает в Куриш-Гаф. Между этих двух рукавов нам указывают Скимн Хиосский и Халкокондила город Новую Русу под именем *Novoruthä*, обратившийся ныне в местечко, но сохранивший прежнее свое название Русы (*Russe*). Историки средних времен называли Руссов Скифами и Сарматами, но также и *Ruthi*, *Rutheni*, а Россию - *Ruthenia*, следовательно, *Novoruthä* означало действительно Новую Русу; к этому дополним, что на пути от Старой Русы к Новой и весьма недалеко от последней, но еще за рекою есть местечко, называемое и доньне *Novomesto* (Новоместо), явно свидетельствующее о своем русском названии и о позднейшем переселении сюда Славяно-руссов.

Что эта найденная ныне нами Новая Руса была городом Славяно-русским, в том нас убеждают следующие обстоятельства: все пространство между Куриш-Гафом и Фриш-Гафом усеяно городами, местечками и реками, сохранившими по сие время свои Славяно-русские названия; ибо там находятся реки Вокса, Мелка-река и Руча; продолжение Мелкой-реки

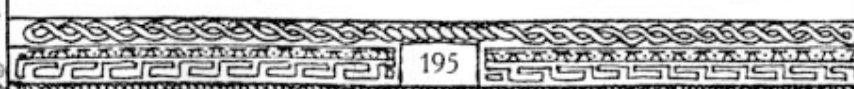

называется Родичи, тут же есть плотина, называвшаяся еще в начале этого столетия русскою. Города и местечки, в окрестностях Новой Русы лежащие, называются и доньше Веприцы, Камень, Клушино, Власово, Горицы, Зябчик, Пробрань, Черново, Горино, Бараково, Лопово, Пыряны, Гладово поле, Малый Камень, Варники, Белицы, Гомель, Становище, Дривачи, Градово, Зихово и пр. При устье Русы, недалеко от Новой Русы, находится городок, видный со взморья и носящий ныне немецкое название Windenburg, называвшийся древле Видень. Нынешний Фришгоф называют Вульфстан и Пифей Руснею и утверждают, что в их время был тут торговый город Руса. По-видимому, Фриш-Гаф составлял границу Славяно-русской земли, ибо Руснею называют прочие Славянские племена землю Руссов, а за Фриш-Гафом действительно сидели тогда разные славяне нерусского племени, как-то Вильцы, Мазовшане и др. В конце владений этого Славяно-русского племени заложен был город под названием Русислава, ныне Rosslau, на Лабѣ (Elbe), свидетельствующий второю половиною своего названия как о Славянстве Руссов, так и о счастливой их битве на этом месте.

Этими доводами свидетельствуется, что Новая Руса со всем своим округом, до Фриш-Гафа, была заселена Славяно-русским племенем, и туда именно отправились Руссы Новгородские из Старой Русы и основали там эту Новую Русу.

5. Мы приведем здесь еще одно доказательство, найденное Г. Морошкиным, и дополним его обстановкою наших доводов для убеждения в том, что эта часть прибалтийская называлась также Россией и составляла некогда отдельное государство. Он говорит: в 936-м году, в уставе о привилегии турниров в Магдебурге Императора Генриха-Птицелова упоминается о римско-католических Руссах, состоявших по списку чинов империи в войсках Саксонского Герцога. А именно Belimarus princeps Russiae и Radebotto, dux Russiae (Велемир, князь Русский, и Радибрат, воевода Русский (1). В восточной России был тогда великий князь Игорь — один. Да и вообще должно заключить, говорит он далее, что эти Руссы были близкие соседи Саксонцам, ибо

германские императоры подчиняли обыкновенно покоренных ими славян ближайшим к ним герцогам и маркграфам (пограничным графам или военачальникам).

По его, Морошкина, розысканию, из грамоты епископа Любского, Петра I, о перенесении епископской кафедры из Любека (Lubus - Любечка) в Фюрстенвальд 1773 года, с подтверждением о том любского епископа Иоанна, 1385 года, видно, что соборная церковь этого епископа была некогда в России (olim in Russia sedem habebat Cathedralen); далее из грамоты видно, что эта церковь была в Горицах, близ Франкфурта, что на Одре (славянской Отдаре).

Этот город Горицы существует и теперь под тем же именем, как мы указали выше. А из этого явствует и протяжение западной, или прибалтийской, России внутри Германии до самых пределов тогдашней Саксонии или до Бранибора (бранного бора), нынешнего Бранденбурга, и до берегов Эльбы, или Лабы, при которой лежит город Русислава (Rosslau); следовательно, почти вся нынешняя восточная Пруссия составляла в то время поморскую Россию, что нам свидетельствует и тогдашнее ее название Borussia (Порусь — порусы, в котором только славянская буква П заменена латинскою В). Итак, древние Прусы были Порусы, или Руссы поморские.

Этими доводами легко объясняется: к какой княгине Руссов (Рутенов) посылал Оттон в 961 году монаха Адальберта для введения латинского христианства, ибо мы ясно указали, где жили эти Рутени, составлявшие вторую, западную или приморскую, Россию. Но сверх того видно из трирских монастырских летописей, что Адальберт отправился к этой Княгине через северную Германию, тогда как к Великой Княгине Ольге нужно бы было ехать через южную часть ее; а во-вторых, когда народ Руссы прогнали его, то он бежал в ближайшее немецкое

(1) Что Belimarugus есть Велемир, в том нет сомнения; мы в статье о Зороастре, привели несколько примеров, где немцы славянскую букву В заменяют немецкою В. Может быть, это случилось и по сходству этих букв между собою, ибо славянский алфавит старше немецкого и потому это могло произойти и на сказанном пути.

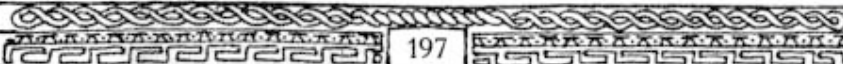

государство, и именно сказано, что в Саксонию, которая граничила с этою приморскою Русью; из Киева же ему ближайший путь к христианам был в Польшу, Моравию и маркграфство Австрийское, называвшееся тогда еще Ostmark. Только позднейшие немецкие писатели Шлецеровской школы вздумали вклеить без доказательств в своих записках в виде пояснения темного места (потому что Русская княгиня не названа в летописях трирских по имени), что Адальберт отправлялся будто бы к Великой Княгине Ольге, матери Святослава; они не обратили внимания на то, что их показание составляет анахронизм. Да и сам трирский современный летописец говорит, что в эту поездку Адальберта они в первый еще раз узнали кое-что о северных славянах; а из этого явствует, что намек идет не на Киев, лежащий под одною широтою с Триром, а на Русь Поморскую, которая сидела на пять градусов севернее Трира.

6. Этих же самых поморских Руссов мы находим на том же месте и в Датской истории, из которой видно, что вблизи от Скандинавии были две России, ибо в ней сказано, что Ивор в начале 7-го века овладел всею Скандинавиею и северным берегом до самой восточной России. — Вот первая Россия, ибо здесь подразумевается, без всякого сомнения Великороссийская область, коей северные границы составляли и тогда Архангельская и Олонецкая губернии, или Новгородская Русь, существовавшая до призвания варягов.

Далее мы находим в этой истории, что дочь этого Ивора Овда, бежавши от отца своего с сыном Гаральдом, укрылась у Русского поморского князя Радибрата, коего княжение было около Финского залива; следовательно, у Куриш-Гафа. Этот Радибрат дал впоследствии пасынку своему Гаральду, сыну Овды, флот свой для завоевания Дании. Точно так же Русский поморский князь Ратибор давал свой флот датскому королю Гильдестанду для истребления морских разбойников. Вот вторая, или поморская, и в отношении к первой западная Россия.

7. Во времена уже христианские эти две России различались тем, что восточная принадлежала к греческой церкви и западная к латинской. В латинской жили именно варяги, это явствует из

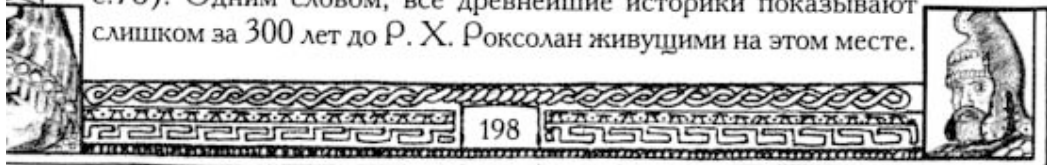

жизнеописания Киевопечерских иноков. Где сказано, что в числе варягов латинорусских были два брата — князья Якун, слепой, и Африкан, у последнего было два сына Фрианд и Шимон или Симон. По смерти Африкана Якун изгнал своих племянников, и Симон жил после того при великокняжеском дворе в Киеве, где принес в дар печерскому монастырю золотое распятие, а потом постригся. Его сын известен в истории под именем Георгия.

Нет сомнения, что латинская Россия была отдельным государством от восточной или греческой России, и все доводы указывают, что из этой России призваны были Варяги-Руссы. Итак, Руссы поморские, соплеменные Руссам Новгородской области или Старой Русы, были призваны на княжение.

8. Остается попытать, нет ли возможности определить время переселения Руссов восточных к Балтийскому поморью. Точности в подобном определении нельзя обещать, но есть много фактов, указывающих на давнее их пребывание, совершившееся до переселения Венедов-Славян на Ильмень и Ловать, или в Новгородскую и Псковскую области, названных у Тиудольфа по этому поводу восточными Венедами. Ибо хотя Вульфстан пишет о городе Русе на поморье и в девятом только веке, но Пифей упоминает об этом самом городе за 320 лет до Рождества Христова. Если станем подробно разбирать древних писателей, то найдем, что и многие другие указывают в этом месте на Руссов. Так, географ Равенский указывает тут на Роксолан; Плиний приводит тут же живущими синеволосях Роксолан; по Птолемаю, они жили подле Прусов (Borussi, Prusi); Страбон и другие говорят, что от Вислы до Немана сидят Роксолане, принадлежащие к Сарматскому племени, и что у них много городов. Славянство Сарматов мы уже доказали в предыдущем выпуске, кроме того, все германцы согласны в настоящее время, что сарматы были славяне, хотя прежде и оспаривали этот факт. В скандинавской рукописи «Картина света» в большей части списков названо это племя, у поморья, Ruto-Kolani т.е. Руссы-Алане (Formanna Sögur. 1. 166. с.76). Одним словом, все древнейшие историки показывают слишком за 300 лет до Р. Х. Роксолан живущими на этом месте.

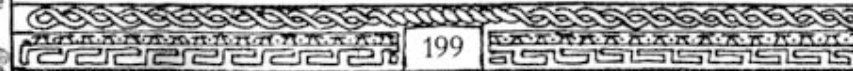
Что все эти названия означают Руссов-Алан или Алаунских Руссов, от которых происходят и Руссы Новгородские и прибалтийские, явствует, кроме приведенных прежде доказательств, и из того, что Птолемай называет их *Αλαύων ὄρος*; у Маркиана они слывут под *Αλάων ὄρος* в грузинской истории алане, союзники их в войне против Персов, называются *Россями*; Страбон, Тацит и Плиний называют Алан соплеменными Роксоланами; да и самая Старая Руса лежит еще на одном из разветлений Алаунской возвышенности, следовательно, ее жители были причислены к Аланам и могли называться аланскими или алаунскими Руссами. Что Алаунская возвышенность есть та самая, которую древние называли *Alani montes* и которую один из наших историков тщетно искал в отрогах кавказских, явствует из того, что из нее действительно вытекают те четыре реки: Дон, Днепр, Двина и Волга, которые показаны вытекающими из гор Аланских.

Из всего сказанного явствует:

а) Что во время призвания варягов в Новгород Старая Руса уже существовала, следовательно, в призвании варягов действительно участвовали, согласно Лаврентьевской летописи Нестора, и Русы как стоящие во главе народонаселения Новгородской области.

б) Что из Старой Русы последовало переселение к Балтийскому морю, и эти переселенцы построили там новую Руссу, целью переселения которых было, вероятно, желание приблизиться к центру торговли, ибо в этой стране были знаменитые в то время торговлею своею города Винета, Юмна, Аркона, Ретра, Кролевец, Любечки, а может быть, и другие. Древность этой торговли свидетельствуется участием в ней Финикиян, а после них уже Греков, с которыми ездил Пифей для описания этой страны.

с) Что торговля Славян прибалтийских старше всякой другой европейской торговли, ибо она восходит к временам Финикиян, имевших непосредственные дела с Русью, что явствует из названия фиников, одного из предметов финикийской торговли славянским именем народа, их привозившего. Ибо если бы этот товар шел к славянам через скандинавов или немцев, то его называли бы не финиками, а датлями и дадлями (от *Dattel*, *Dadel*, *Daddel*).

d) Что именно Русы участвовали в этой торговле; ибо Пифей за 320 лет до Рождества Христова называет прибалтийскую Русу торговым городом.

е) Что торговым городам прежде всего понадобились охранные войска для товарных кораблей их, для защиты таковых от морских разбойников, существовавших и в самые древние времена; и что эти охранные войска образовали особые дружины, которые по цели варяния (плавания) по морям назвались варягами, составя собою особую касту, в которую принимались люди разных племен и народов; ибо мы видим из летописей, что в числе варягов были Ангяне, Урмане, Гьте, Свевя и Руссы. Из этого явствует, что варяги долженствовали жить близ торговых городов, а потому и не могло быть никакой страны, называвшейся варягиею, как утверждают некоторые из наших исследователей, ибо и самое слово «варяги» есть имя нарицательное, а не собственное, а потому оно и поставлено в летописи вместе с племенным или собственным именем тех варягов, которые призваны были на княжение и названы варягами Русскими.

ф) Хотя варяги и могли принадлежать к разным народам, согласно летописи, но так как слово *варяги* есть Славянское, следовательно, должно заключить, что варяжничество или устройство этой касты получило свое начало в славянской земле, а потом могло перейти и к другим народам; или же что славянские варяги принимали в свою касту и иноплеменников, как у Рюрика были Оскольд и Дир со своею дружиной, принадлежавшие, по-видимому, к литовскому племени.

г) Что варяги-Руссы были из страны Новой Руси или из прибалтийской Руси, ибо там образовалась первая торговля, следственно, и первая надобность в варягах.

h) Что Руссы как в Старой, так и в Новой Русе были Славяне, ибо это свидетельствуют нам историки, называя в числе славянских племен *Slavi-Sorabi*, *Slavi-Vinidi*, *Slavi-Bohemani*, *Slavi-Ruthi* или *Slavi-Ruzzi*. А поэтому и варяги-Руссы были Славяне.

i) Что переселение Славян из Старой Руси к Балтийскому морю последовало по крайней мере лет за 400

до Р.Х., ибо за 320 лет до того времени пишет уже Пифей о существовании там торгового города Новорусы.

Примечание I. Все вышесказанное относится только к варягам-Руссам, ибо мы признали уже прежде, что они разноплеменны, как указывает Нестор и как утверждают в 5 веке Олимпиодор и в 11-м Скилиций.

Примечание II. Что же относится до слития некоторыми писателями варягов и норманнов воедино, то мы уже прежде доводили о их различии между собою, а в 4-м выпуске Норманны определены отдельно. Здесь приведем только, что их различали также в сагах. Ире так пишет об них: That er sidr Vaeringa oc Nordmanna, at vera at leikom um doga, ec gangazt af fangbroegdom. h. e. Barangorum et Normanorum mos est, luctis et exercitis luducris in dies exerci. 564.

Примечание III. Варяжское море названо так не по народу варягам, ибо к этому морю приседают, говорит Нестор, Любовь, Сетьгола, Ляхове. Пруси и Чюдь; а потому мы и выводили это название из торговли, как приведено сие во втором выпуске. Итак, варяжское море означало *обереженное*, на котором варяги имели много дела для ограждения пристаней и отходящих из них кораблей на всем пути своем от грабительства морских разбойников.

Это исследование могло бы войти в историю до-Рюриковской Руси следующими словами:

Лет за 400 или и более до Рождества Христова жители Русы алаунской сделали выселок к Балтийскому морю, основали там много городов, между которыми один назван был Новою Русою; после чего Руса алаунская стала называться уже *Старою*, а Руса поморская *Новою*. Поводом к этому переселению было, вероятно, желание придвинуться к центру славянской торговли Венедов на поморье, которая древностью своей восходит до торговли Финикиян в этом море. В этой Новой Русе образовалась каста вольных воинов, нанимавшихся в виде древней славяно-русской повольницы для охранения торговых кораблей от морских разбойников, называвшихся на Руси поляницею. По обязанности их варять (плавать) по всем водам, по которым шли

торговые пути, они прозваны были варягами. Впоследствии и другие народы по мере развития их торговли обзавелись своими

варягами, заимствуя у славян и название для них; так Шведы называли своих варягов: *Afväriagr*. Эти варяги славянские имели своих князей (каковых у прочих народов не существовало и они заменялись конунгами), из числа которых призваны были три брата для удельного княжения в Новгородской области, в то время когда в ее народном правлении стали появляться беспорядки, доходившие до того, что некогда сильные Новгородцы вынуждены были заплатить дань напавшим на них варягам, не имевшим, вероятно, достаточного занятия при торговых делах. Эти Новоруссы приняли христианство около времен императора Оттона между 891 и 900 годами, но в первую попытку Оттона обратить их к христианству прогнали из своих владений присланного к ним из Трирского монастыря монаха Адальберта.

Со времени образования Ганзейского союза и заведения им собственного своего войска для охранения кораблей вольнонаемные варяги оказались уже излишними и вместе с тем исчезло и их прозвание варягами. Варяги при стоянке охраняемых ими кораблей, вероятно, пользовались также выгодами торговли, занимаясь разноскою товаров по домам, ибо во многих местностях великороссийских осталось по сие время название варягов за разносчиками товаров по домам.

ТРОЯНЕ

(дополнение к прежней статье)

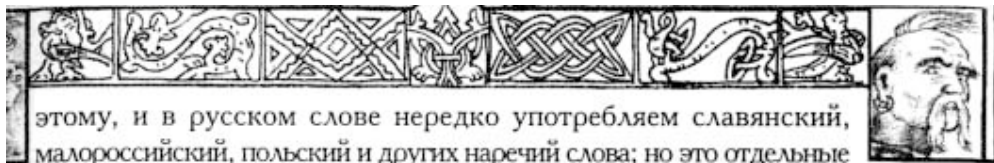
В первом выпуске нашем мы говорили о Троянах как о славянском племени; мы основывали доводы свои на народных сближениях, параллелях и отношениях, и нет сомнения, что при строжайшем критическом исследовании всей старины, на что потребны, может быть, десятки лет, найдется столько уяснений этого дела, что старая схоластическая школа истории совершенно падет и начнут верить не в мертвую букву Греков и Римлян, а в здравый смысл и основанный на нем критический разбор. Тогда предания Италии, Скандинавии и Франции уяснят нам многое о Троянах. Но приведем наперед некоторые факты помимо этих доводов.

1. Историю покорения Трои писал Дит, грек, и Дарий, а по другим Дарет, фригиец. Оба они были личными свидетелями этой битвы и оба утверждают, что Трояне не знали греческого языка во время пристания к Берегам их Язона. Этим ясно определяется, что Трояне не греческого племени. По сказанию тех же летописцев, Трояне называли Греков зверонравными; этим свидетельствуется, что просвещение Троян было выше такового же у Греков. Впрочем, это последнее мнение подтверждается еще и тем, что Троянам известны уже были живопись, механика, музыка, комедия и трагедия, когда Греки знали одну только грабительную войну, ее зверство и хитрости.

2. По новейшим исследованиям языка, на котором написана Илиада, он не составляет одного чистого греческого наречия, а распадается на семь разных говоров (1). Ужели же мифический Омир писал свою Илиаду на семи наречиях? Можно допустить, что автор, пишучи на одном каком-либо наречии избранного им языка, выхватывает из других наречий того же языка несколько слов; все мы поступаем подобно

(1) Подробное сличение этих наречий в Илиаде делается теперь в СПб. одним весьма глубоким эллинистом и скоро выйдет в свет.

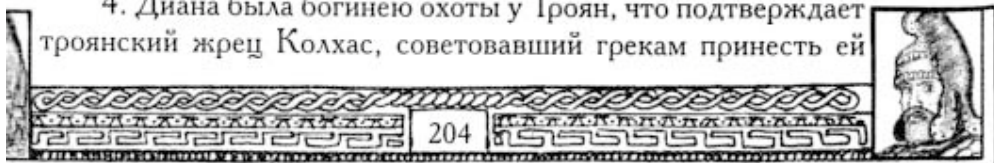

этому, и в русском слове нередко употребляем славянский, малороссийский, польский и других наречий слова; но это отдельные

слова, а не отдельные фразы, не отдельные куплеты и неотдельные песни или главы целого сочинения. Представьте себе, каково было бы русское сочинение, в котором бы вы нашли отдельные главы на великорусском, на белорусском, на малороссийском, на польском и некоторые еще и на других славянских наречиях? Не сказали ли бы вы, что это отнюдь не одного лица сочинение, а перевод отрывками, по главам, иностранного сочинения на славянские языки? Находя это явление в Илиаде, и мы вынуждены сказать, что оригинал ее написан был не на греческом языке, а переведен отдельными главами на семь греческих наречий; и что Ликург, собрав эти переводные отрывки в семи разных городах греческих, составил из них, как только возможно было, одно целое. В последствие времени, когда уже забыты были имена переводчиков, каждое наречие в сборной Илиаде нашло своих партизанов в каком-либо городе, оспаривавших месторождение творца ее, тогда как в сущности тот город был только месторождение перевода одного отрывка из всего творения. Да и не мудрено было забыть не только имена переводчиков, но и то, что эти главы были переводные; ибо по прошествии уже трех сот лет от события собраны были эти отрывки. Отнести это сочинение к позднему времени также нельзя, ибо изложение в нем подробностей события свидетельствует и о современности его самому событию. — А что относится до спора семи городов о месторождении автора, то он, при изложенных нами обстоятельствах, весьма естествен, ибо каждый из претендующих городов читал в Илиаде одну или две главы, написанные на чистом его наречии, и потому возбуждавшие притязание на собственность.

3. Упомянутые историки пишут, что в Трое были отдельные улицы для каждого мастерства, как, например, бронная, котельная, таганная, кожевенная, рогожная, кошельная, усмарьяная (что значит на малороссийском языке сапожная) и пр. То же самое мы встречаем в древних больших городах русских; возьмем для образца Москву; в ней мы находим улицы или бывшие отдельные слободки промышленников с подобными названиями: так, вы видите бронную, котельники, таганку, кожевники, рогожскую, кошелю, сапожки, а также сыромятники, звонари и проч.

4. Диана была богиней охоты у Троян, что подтверждает троянский жрец Колхас, советовавший грекам принести ей

жертву для получения победы. У современных Троянам Скифов и у позднейших их потомков — Славян богиня охоты была под тем же именем. Греки же называли ее Артемидою; Эней перенес славянское ее название в Италию. Но если Грек писал Илиаду, то отчего же он не назвал свою богиню греческим ее именем? Оттого, что во время падения Трои не было у Греков ни Дианы, ни Артемиды.

5. Бальзамирование трупов было известно и употреблялось, кроме Египтян, только у Скифов и Троян. У Скифов целый год возили по всему государству набальзамированный труп их царя; у последних тело Гектора также было набальзамировано и помещено в сидячем положении на все время печальной церемонии, до совершения по нем славянской тризны.

6. Историки Фригии и Илиада повествуют, что у Троян был обычай рыданий по усопшим и за гробом шли обыкновенно плакальщицы с распущенными волосами, сопровождая покойника рыданием и причитаниями. Этот обряд существует у нас на Руси и по сие время между черным народом, всегда долее горожан сохраняющим обычай предков своих.

7. Мы писали в 1-м выпуске, что в числе сыновей Приама двое носили славянские имена; это Троиал и Дий; но оказывается, что его же сыновья Самбор и Парис носили также славянские имена, ибо Самбор повторяется неоднократно в числе князей венецких, моравских и хорватских, а Парис должен быть Борис, ибо древние Славяне хотя и имели особую букву б, но и буква п была двоякая, твердая и мягкая, ибо древнее славянское б выражалось знаком **Л**, а древнее п знаками **Г** и **П**, как видно из памятников, не мудрено было грекам перемешать и знаки эти и по сходству произношения их, принять одну вместо другой. Кроме того, греки не имеют в своем алфавите буквы, соответствующей в произношении славянскому б. При всем том Борис (борись) было, вероятно, эпитетное прозвание сына Приамова, ибо его звали и Александром, как пишут о том историки. А что греки написали Πορις вместо Πориς, то весьма естественно, ибо и самые Руссы писали прежде вместо Россия Россия (1600 г.). Должно думать, что это эпитетное прозвание дано Александру в то время, когда греки требовали возвращения похищенной им Елены, Трояне же советовали ему бороться в этом деле, т.е. не соглашаясь на слова с Греками.

8. Приям назывался прежде Лаомедонтом; Трояне, по

выкупе его из плена у Геркулеса и, приняв снова в цари свои, назвали его *Прям* (приемленный, принятый).

9. Руссы во время осаждения Трои были союзниками Троян, ибо Антиф (Антип, Antiphos) привел Русь к Троянам; он начальствовал 30-ю кораблями, с народами из Nisyros, Carpathos, Kasos, и Ros, т.е. Нижанами-Руссами, Хорватами, Казями (Казарами) и Русью. По теории вероятия при соображении всех выше прописанных обстоятельств не должно ли счесть их за соплеменников Троян?

10. Дополним к этому, что италийский надгробный памятник Энея ясно говорит, что Трояне были Руссы. Скандинавские предания, разобранные нами в 4-м выпуске, также утверждают связь славяно-русского севера с Троянами; кроме того, многие Франки доказывали, что они выселенцы из Трои; в числе их франкский герцог Оттон и брат его Бруно впоследствии Папа, Григорий V, утверждали происхождение свое из Трои. А как Франки же построили и город Руссилион, то самое название города свидетельствует, что он построен был Русью Илионскою. Но кроме этого в пределах нынешней Франции, на прежних местах жительства франков, вы найдете еще очень много местностей и городов, носящих славяно-русские названия, как, например, монастырь, известный в 10 веке под именем *Родняк* ныне *Renaix ou Rousse*, и много тому подобных, приведенных нами в 4-м выпуске. С чего взято в названии монастыря придаточное *Rousse* мы предоставляем обсудить самому читателю, наши же дальнейшие об этом предмете пояснения помещены будут в следующих выпусках.

Заметим здесь, что не одни мы признаем Троян за Славяно-руссов, еще в прошлом столетии P. Ch. Levesque (род. 1736) доказывал, что Латины обязаны Славянам корнями своих слов и предки Латинов и Славян слишком рано, т.е. до происхождения от них Троян и Венетов, разделились.

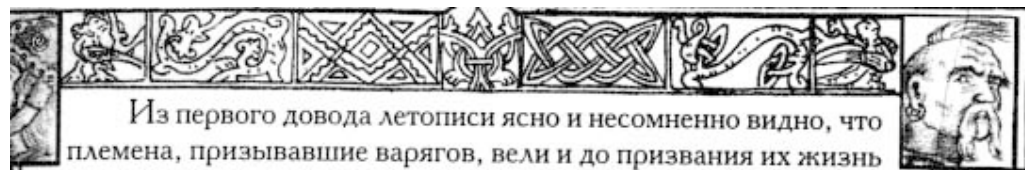

2000 ИЛИ 1000 ЛЕТ БУДЕТ В 1862 ГОДУ СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА?

Россия готовится воздвигнуть в Новгороде памятник, которому предназначено свидетельствовать древность Русского народа и Русского государства. Началом того и другого некоторые полагают время призвания варягов в Новгород. Акт, совершаемый созиданием памятника, должен служить сознанием народа в том, что он высказал истину. Рассмотрим же, на сколько убедительна эта истина и разделяют ли ученые России одно общее мнение по этому предмету?

Начнем с того, что две идеи о Руси, выражающие два различных начала — народа и царства — несовместимы в одном времени, ибо Русь, Чудь Славяне и Кривичи не в одно и то же время все родились и разродились в четыре больших племени, когда призвали варягов; следовательно, составляли уже народ сильный и до Рюрика. Связь этих четырех племен в одно целое имела же какое-либо политическое основание; а чтобы народу оказаться способным к принятию какой бы то ни было политической формы в управлении собою, нужна ему некоторая степень образования. Имея это в виду, каждый рассуждающий человек невольно спросит: на чем же основано убеждение о начале самостоятельности Русского народа или о начале государственной его жизни со времени призвания Рюрика? — На летописи ли Нестора или на заключении о его сказании Шлецера? В первом случае вывод не будет соответствовать основанию, а во втором и основание и вывод будут противны здравому смыслу.

Рассмотрим первое отношение. Летопись Нестора, не искаженная Шлецером и его слепыми поклонниками, ясно говорит, что в числе послов к варягам-Руссам были: «Русь, Чудь, Славяне и Кривичи»; что эти послы говорили варягам: «земля наша велика и обильна», и далее: «а наряда (порядка) в ней нет».

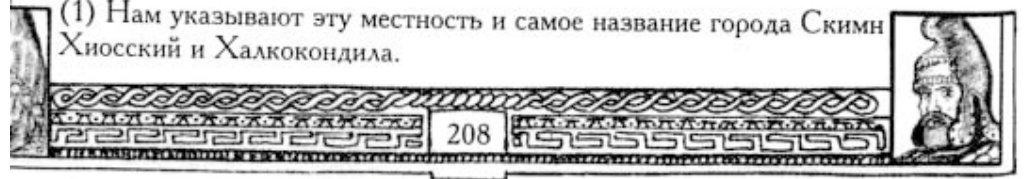

Из первого довода летописи ясно и несомненно видно, что племена, призывавшие варягов, вели и до призвания их жизнь политическую, государственную, какой бы она формы ни была, ибо составляли уже союз, общину или братовщину из четырех сильных племен — Руси, Чуди, Славян и Кривичей, занимавших своим населением (не по соображению слов летописи «земля наша велика», а по вычислению пространства, в пятинах Новгородских заключавшегося) несколько сот тысяч и, может быть, до одного миллиона квадратных верст в северо-восточном углу Европы, могшем при самом бедном и редком населении, полагая только по пяти человек на квадратную версту, составлять до 5 000 000 душ, имевших свои города, как, например, Новгород, Старую Ладогу, Старую Русу, Смоленск, Ростов, Полоцк, Белозерск (Белоозеро), Изборск, Любечь, Псков, Вышгород, Переяславль; одним словом, 148 городов, насчитанных Баварским географом в 866 году у одного только племени северо-восточных Руссов.

Между дикарями, на таком протяжении живущими, нельзя даже предполагать и взаимных сношений, а тем еще менее единства мысли, какое выразилось у Руси, Чуди, Славян и Кривичей относительно вызова к себе князей на престол. Притом дикари не имеют городов, а название Русы, например, Старую, свидетельствует в свою очередь о древности существования ее, заходящей далеко за Рюрика, ибо придаточное *старый* дается городу не прежде, как по построении тем же племенем нового, одноименного с ним; и этот *новый* город, или *новую* Русу, мы находим в стране варягов-Руссов под именем Novoruthä (Новая Русса); на реке Русе, составляющей правый рукав Немана, близ взморья, у Куриш-Гафа (1).

Этим окончательно удостоверяется и то, что Ново-Руссы, или варяги-Руссы, соплеменны Старо-Руссам, но во время призвания варягов составляли уже отдельное государство. Итак, Русь Новгородская была когда-то, до разделения своего на восточную и западную, еще сильнее; и это ее деление есть уже признак

(1) Нам указывают эту местность и самое название города Скмиа Хиосский и Халкокондила.

слабости отжившего лучший век свой государства. — Речи послов Новгородских к варягам свидетельствуют о том же.

Из второго довода летописи, где сказано: «*наша земля велика и обильна*», явствует, что племена, призывавшие князей варяжских, не сейчас составили государственное тело, а напротив, прожили уже столько веков, может быть, государственною жизнью, что успели составить пространное государство и скопить народное богатство, ибо их земля была «*велика*», заключала в себе четыре больших племени и обиловала всем, даже и городами — этим несомненным признаком государственной или политической жизни, потому что существование городов свидетельствует уже о разделении труда и образованности народа.

Из третьего довода летописи, где сказано, что у соединенных племен, богатых всем, нет только «*наряда*» (порядка), явствует, что они хорошо понимали благодетельное влияние порядка на благосостояние народное, следовательно, наслаждались им до неурядицы своей, но, утратив этот порядок в управлении от растления народного, уже не в силах были восстановить его сами многочисленным своим действием, распадавшимся на разные воли и желания, которыми руководили вместо утраченных начал нравственных одни уже страсти: а потому, отжив золотой век свой, должны были призвать князей для управления собой и для введения снова порядка (1).

Посмотрим, к чему нас приведет историческая аналогия. Народы и государства возникают, растут, цветут, стареются, падают и снова восстают хотя не в равные периоды, долгота которых зависит от образа их внутренней и внешней жизни, но по одним и тем же законам. — Многие Финикийские племена существовали, подобно Швейцарии, без князей; громадное их богатство, образовавшееся от промышленности и всемирной торговли, свидетельствует о их политическом бытии, силе и могуществе; ужели же, видя все это, можно сказать, что государства Финикийского никогда не существовало, потому что Финикияне не имели князей, владевших

(1) См. Вып. I. Матер. для Слав.-Рус. истории до-Рюрик. врем. Предисловие, стр. 1.

ими? — Так, из греческих братовщин многие существовали без царей; но ужели можно сказать, например, что Афины не имели

политического народного бытия до Пизистрата и что Солоновы законы не свидетельствуют о гражданской жизни Афинян? Так точно и Рим существовал 700 лет до появления Цесарей (Чесарей), ужели же дозволено будет сказать безнаказанно в ученом мире, что Рим начал политическое бытие свое только с Августа?

Но ежели Финикийские, Греческие и Римская братовщины заслуживали названия самостоятельных государств до избрания ими верховных владык, то почему же северо-восточная Славянская братовщина, которая, может быть, старше всех упомянутых, лишена этого права, и соединение Славянских племен и Чуди в Новгородской области хотят считать государством только со времени призвания варягов, тогда как мы видели из вышеприведенных показаний летописи, что эта братовщина была уже богата, обиловала всем и нуждалась только в утраченной ею урядице? Не обязаны ли мы заключить, что народ богатый, обилующий всеми благами, но сознающий в своем управлении неурядицу, отжил уже периоды младенчества, возрастания, процветания и следовательно, прожив долго, приблизился наконец к эпохе падения своего, подобно Риму пред Августом? — Но Новгородцы сознавали свое падение, то есть свое нравственное обессиление, следовательно, сознавали беспорядки, происходящие от народного правления, а потому и решились вверить управление собой единовластиею, ибо в демократизме уже не было ладу, не было урядицы; это мы видим из летописи. — А если это так, то почему же государственную жизнь северных Славян считать со времени их падения и спустя, может быть, после долгой процветавшей их жизни? Почему же Рим ведет свое летосчисление с Ромула, а не с Августа? Если у России нет своего Ромула, ни истинного, ни баснословного, ибо трех братьев Чеха, Леха и Русса мы не признаем родоначальниками Славянских племен, несмотря на польское и чешское предания о них как о родичах праотцев наших; то у нее есть фактические доводы о государственной богатой жизни народа своего до варягов. Зачем же мы отрежем этот, может

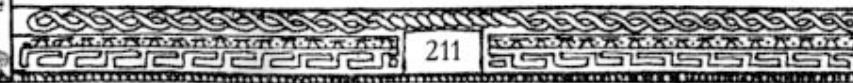

быть, лучший период до-Рюриковской Славянской жизни от истории Русского народа, не проследив еще надлежащим образом древней общей истории, не исчерпав всех источников до истощения? Может быть, окажется еще много сведений о Руссах, которые не помещены в наших летописях. Есть много историков, писавших прежде Нестора, а также и современных ему, у которых мы до сих пор и не думали искать Руссов, или не узнали родичей своих под именами, составляющими перевод с Славянского на другой язык, как, например, Скифы, Аримаспы, Гипеди (вместо кожевенники, Кривичи, Украинцы), или под именами, означавшими у Славян одежду или обувь, как, например, Меланхлени, Карпиани, Зипани, Лантани и проч. (вместо махланники, курпинники, зипунники, лунтайники) (1); или же под изуродованными на греческий, латинский, арабский, немецкий или скандинавский лад, как, например, Этрусски, Секлаб, Готи, Рутени, Роксолане, Аорси, Вандалы, Карни, Крани и проч.

Легко может быть, что политическая славянская жизнь на севере Европы старше не только Рима, но и всех греческих государств. — Мы уже знаем теперь из Зенд-Авесты (Зендаждь) Зороастра, что Славяне Венедские выселились еще при жизни его из Бактрии к Балтийскому поморью и основали тут братовщину, в которой, по совету Зороастра, все должны были находиться в равенстве между собой, т.е. составлять демократию (2). А по исчислению греков Зороастр жил за несколько тысяч лет до Платона, по поверке же этого исчисления Германцами — за 2000 лет до Р. Х., следовательно, за 1250 лет до основания Рима и за 500 лет до образования первой греческой общины. И эта Славяно-Венедская братовщина, вступая в поморские пределы, принесла уже с собой грамотность, состоящую в тех самых письменах, которыми написана Зенд-Авеста, остатки которых сохранились у европейских Славян кое-где в рунических славянских надписях. — Представителем же

(1) См. Вып. I. Матер. для Слав.-Рус. истории до-Рюриков. врем., стр. 16.

(2) См. Вып. III. Матер. Парси.

богатства, величия и развития способностей ума Винетян служил знаменитейший их город Винета или Венета,

славнейший в свое время на всем севере, в пристанях которого теснились корабли всех народов, в котором известен даже был и греческий огонь, называвшийся у них вулкановым горшком, как пишет о том Адам Бременский.

Неужели же братья этих Венедов-Славян, Славяно-Руссы, жившие обок с ними, не могли перенять у них правил гражданской жизни, когда мы видим из летописей, что еще до Р. Х. некоторые Славяне-Венеды переселились с поморья на Ильмень и Ловать, т.е. в Новгородскую и Псковскую области, где были две подобные венедским братовщины, или вольные общины: Новгородская и Псковская.

Не проследив еще этнографически и филологически страну Индукуша и сказаний о ней, не разграничив все ее расадники славянского народа, мы не можем еще сказать утвердительно, но упомянем здесь, что при соображении отношений Индукуша и Бактрии к истории Славян нам сдается, что название *Венеды* есть частное, а племенное их название есть по-бактрийски *Парси*, *Па-Рси*, по-славянски *По-Рси*, *По-Роси*, по-русски *Рось*, *Русь*.

Теперь считается уже доказанным, что под именем Скифов Греки подразумевали Славянские племена, и в особенности Руссов и Венедов; но Геродот говорит о Скифах как о умнейшем народе, а Афиняне причислили Скифа-Анахарсиса (вероятно, Анахара) к числу семи мудрецов. Спрашиваем: ужели же в числе дикарей, какими скандинавоманы представляют Славян, мог появиться настолько образованный человек, что мудрейшим в то время народом признан за мудрейшего человека? А ведь Скифами называли — снова повторим здесь — Славян Великой России и Славян поморья, коих берега названы у географов скифскими болотами. Следовательно, мудрец Анахарсис был уроженец России, или Балтийского поморья.

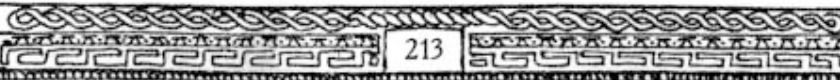
Все приведенное здесь, относится к сказанию летописи нашей в ее чистом, неискаженном шлецирианцами виде. Но рассмотрим теперь сущность дела и во втором отношении.

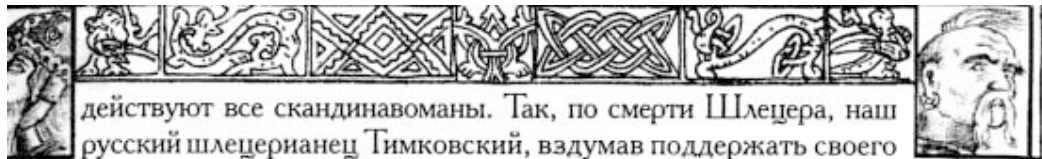
Шлецер хотел уверить нас, что Русский народ сложился

в государственное тело только при призвании варягов, а до того времени Славяне были дикари, рабы, невежды, подобные ирокезцам. Не станем здесь выводить уже давно выведенные побудительные причины, заставившие Шлецера обрабатывать Русскую историю с плеча, топором, вырубая из изящного эскиза славянской жизни какого-то уroda, безголового болвана! — но обратимся к логике. Если союз четырех сильных племен, могших простираться, по вероятно, до 5 000 000 душ, видя беспорядок от демократического управления, добровольно согласился на призвание варягов, то этим свидетельствуется не слабость, а сила духовная; не тупоумие, а разум. — Пойдем далее в розысканиях своих: Римляне сопротивлялись единовластию, но не могли избегнуть его, а Славяне предпочли его самоуправству. Спрашиваем, который из этих двух народов оказал более благоразумия и силы в своих действиях? Римляне ли, не могшие оценить выгод, проистекающих из единойдержавия, но не могшие и воспрепятствовать ему, а потому тщетно сопротивлявшиеся? Или Новгородская братовщина, которая при первых неурядицах общего или народного правления, единодушно согласилась ввести у себя единойдержавие, дабы тем удалить все происки к властвованию своих неблагонамеренных собратий, и потому призвала князей володеть собою? — Чем же изобличаются тут Славяне, что они составляли рабов, челядь, ирокезцев? Только ирокезец мог произнести такое суждение, а не образованный европеец, пользовавшийся авторитетом критика. Но на деле мы видим, что Шлецер был эгоист, и вследствие этого сделался злым клеветником и ругателем истины, не для себялюбцев существующей в мире; ибо так исказить летопись, как он искажил ее, самовольно изменяя выражения, выкидывая по произволу не нравящиеся ему места, связывая разнородные концы в одну нить, может только неблагонамеренный человек или не призванный к трудам ученым. — Приведем хотя бы один пример: в летописи сказано: «*реша Русь, Чудь, Словене и Кривичи*» — не видеть в числе этих четырех племен Руси, в голове всех поставленной, может только невежда, а с намерением исключить ее — только неправдолюбец. Но так

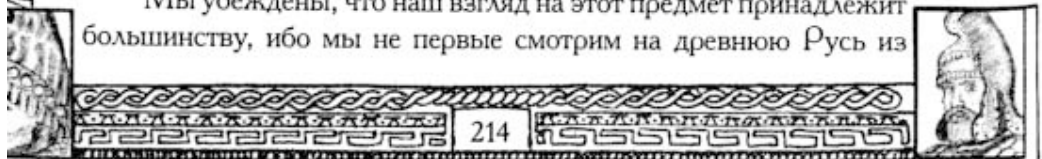

действуют все скандинавоманы. Так, по смерти Шлецера, наш русский шлецерианец Тимковский, вздумав поддержать своего корифея, именительный падеж в слове «Русь» обратил в дательный, отчего у него вышло, с прибавлением после этого слова двоеточия: «*реша Руси: Чудь, Словене и Кривичи*». — Но, чтобы убить разом лжеумствование или лжеухищрение скандинавоманов, мы спросим только: кто же жал во время призвания варягов в Старой Руссе? Всеконечно, Руссы! — Так эти-то Руссы и должны были быть в числе приглашавших варягов, потому что эта Русса принадлежала к области Новгородской.

Но эти кривичи исторические, действуя так своевольно, могут вывести из наших летописей все, что им заблагорассудится; и они давно бы уже сказали, что наша летопись есть подложная сказка, если бы таким приговором не лишали и себя удовольствия уродовать сказание и не были бы вместе с тем обязаны отречься от предсозданной исследованию идее о скандинавизме в Русской истории.

Мы знаем, что в летописях могут заключаться и ошибки переписчиков, и ошибки самих дееписателей, но исправлять такие ошибки можно и должно только на путях дозволенных, то есть сказаниями других повествователей или аналогией, филологией, этнографией, географией, словом, всеми возможными сближениями, а не варварским самоуправством или диктатурой, под фирмой которой скандинавоманы произвольно затемняют ясный смысл летописи, утверждая, например, что Руссов там не было, где упоминает их летопись и где самые урочища (город Старая Русса и река Русса) указывают на их местопребывание; или говоря, что варяги не были приглашены Славянами на княжение у них, а силой овладели ими, тогда как в летописи, кроме вышеприведенного призвания их, сказано, что они были *насельницы* в Новегороде, а не *насилъницы*, подобно Обрам у Дулебов. — Кто знает славянский язык, тот поймет, что *насельницы* произошло от слова *населять*, а *насилъницы* от слова *насилывать*; а потому варяги только пополнили собою население Новгорода, а Обры насилывали Дулебов и запрягали их жен в телеги вместо лошадей и волов.

Мы убеждены, что наш взгляд на этот предмет принадлежит большинству, ибо мы не первые смотрим на древнюю Русь из

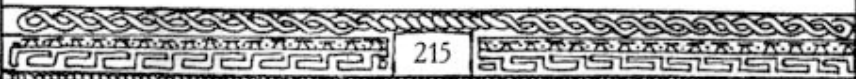

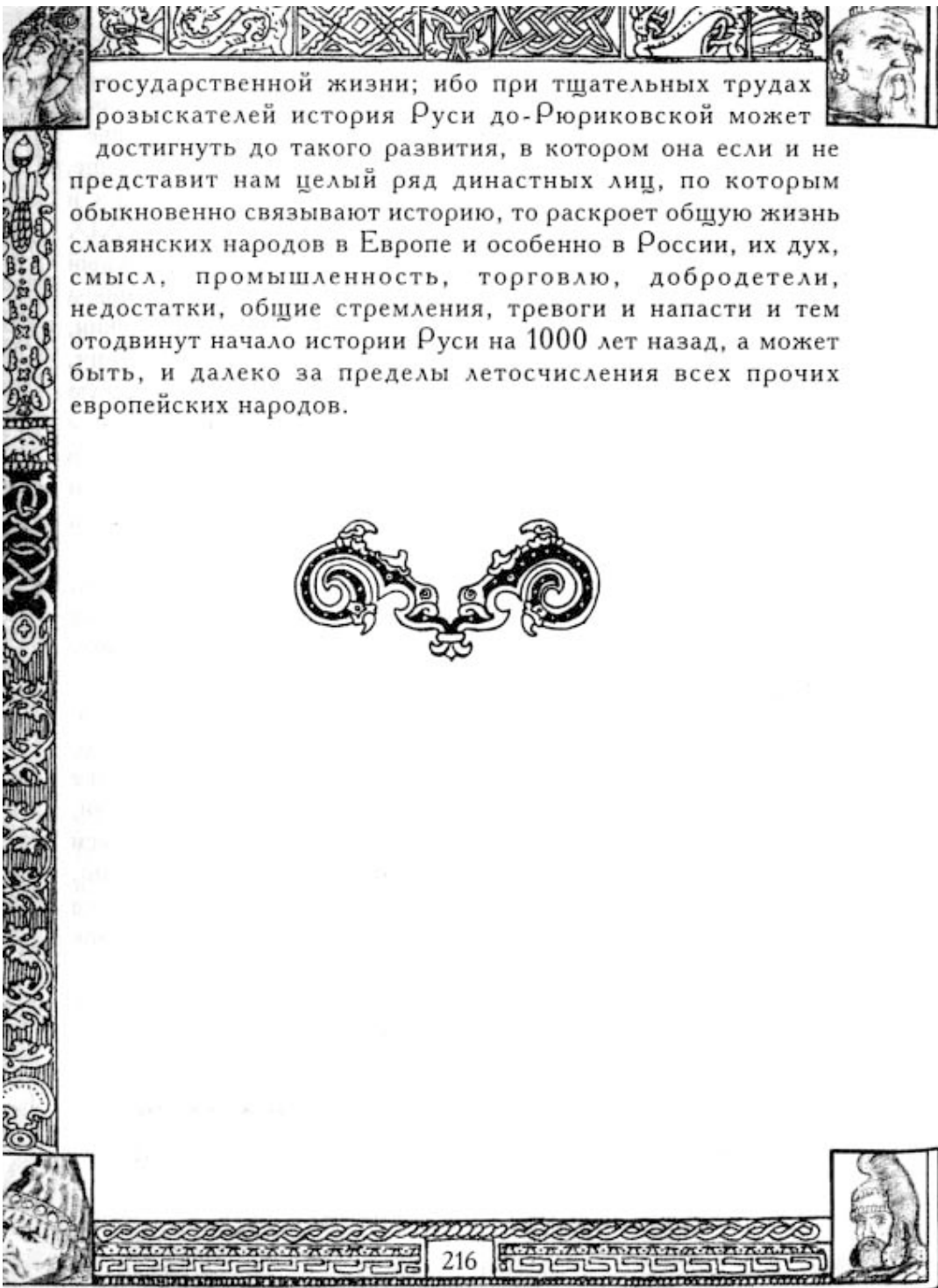
этого настоящего ее фокуса; первый начаток сделан был Св. Димитрием Ростовским. Уже после него родилась или, лучше сказать, изрыгнута скандинавомания — это канибальское чудовище, с которым начал борьбу первый Ломоносов; но он был тогда один, и со смертью его кончился этот ученый бой с невежеством. Наш XIX век обилует атлетами на этом поприще: молодой, но могучий ученый Юрий Венелин разгромил здание Шлецера, не имевшее основания; а последователи его: Савельев, Максимович, Надеждин, Морошкин, Святной, Боричевский, Вельтман, Александров, Лукашевич, Воланский и другие сильной рукой истины еще более очистили русскую историю от германо-скандинавского брожения. Даже сами Германцы оставляют Шлецера, видя нелепость основания и произвол в критических его взглядах, и если не хотят еще признать Славян учителями своими, то называют их уже не чуждыми дикарями, а единоплеменными братьями (1).

Смотря с этой точки зрения на историю Руси и на памятник, посвящаемый началу ее государственной жизни, считаемому некоторыми с 862 года, мы должны сказать, что, по нашему убеждению, Новгородская братовщина пользовалась государственной жизнью за много веков до призвания варягов. Точно так же, кажется, начало государства под именем Русского нельзя считать с 862 года, ибо Русью прозвались все прочие славянские племена, как-то: Кривичи, Новгородцы, Вятичи, Древляне и проч. не в Новгороде, а уже в Киеве, посреди Руси центральной, и не при Рюрике, а при Олеге. Следовательно, годами тридцатью позднее оставили Славянские племена России свои частные прозвища и приняли общее и родовое свое название Руссов.

Соображая все это, мы вынуждены сказать, что памятник можно поставить Рюрику, но не скандинавскому, началу монархического правления в России, но не началу ее

(1) По этому поводу вышло в Страсбурге в 1858 году сочинение Бергманна под заглавием *Les Scythes, les ancetres des peuples germaniques et slaves.*

государственной жизни; ибо при тщательных трудах розыскателей история Руси до-Рюриковской может достигнуть до такого развития, в котором она если и не представит нам целый ряд династных лиц, по которым обыкновенно связывают историю, то раскроет общую жизнь славянских народов в Европе и особенно в России, их дух, смысл, промышленность, торговлю, добродетели, недостатки, общие стремления, тревоги и напасти и тем отодвинут начало истории Руси на 1000 лет назад, а может быть, и далеко за пределы летосчисления всех прочих европейских народов.

